

КОСТЁР

77

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ

Учащиеся советской школы! Комсомольцы и комсомолки! Пионеры и пионерки! Овладевайте знаниями, готовьтесь стать стойкими борцами за дело Ленина — Сталина!

(Из призывов ЦК ВКП(б))

Это великий день, радостный и праздничный. Это великий праздник советского народа. Во всех городах и селах от Карпат и до Тихого океана, от Черного и до Белого моря звучат боевые песни и боевые марши. Над многотысячными колоннами советских людей колышались алые знамена, яркие флаги, пестрые плакаты. Это первый праздник Октября после суровых лет войны, после победы над лютым врагом.

Величественно шествие победившего народа.

Среди многих призывов — один призыв «Да здравствует Сталин» — написан на языках всех народов СССР — и выражает чувства, волнующие каждого советского человека. Среди многих портретов — один портрет — он особенно дорог сердцу советского гражданина.

Сталин! Он с нами. Он руководил нами в самые тяжелые дни войны. Все эти годы мы слушали речи вождя, и он указывал нам путь к победе.

В далеком тылу на Урале и Алтае, в осажденном Ленинграде, на переднем крае в блиндажах, в землянках партизан советские люди у репродукторов слушали слова вождя, и эти слова укрепляли волю к борьбе с врагом, веру в свои силы, в грядущую победу. И каждый находил в словах вождя ту горячую любовь к народу, ту стойкость и непреклонность партии большевиков, с которой Ленин и Сталин в октябрьские дни семнадцатого года вели революционных рабочих и солдат на штурм самодержавия.

Сила Сталинского слова! Она воодушевляла бойцов на новые подвиги. Она приумножает силы каждого патриота — колхозника, рабочего, инженера, ученого.

В торжественный день двадцать восьмой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции сердца всех советских людей исполнены благодарности и любви к отцу, учителю и другу советского народа — гениальному Сталину.

П 29

41

КОСТЁР

11

НОЯБРЬ

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ ★ 1945 ★ ГОД ИЗДАНИЯ ДЕСЯТЫЙ

НА ПАРАДЕ

Торжественная праздничная осень.
Сегодня так наряжен Ленинград.
И знаменосцы на ветру выносят
Крылатые знамена на парад.

Колышутся штандарты полковые
И, вышитая золотом на них,
Сверкает слава громкая России,
Рожденная в походах боевых.

Гремит парад величия и славы.
Прошедшие по двум материкам,
Идут сыны отважные Державы,
И целый мир внимает их шагам.

И весь народ героям рукоплещет,
Летит ура могучее в ответ.
Броня литая и оружие блещет.
Сегодня праздник сталинских побед!

Сергей Орлов

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

РАССКАЖИТЕ НА ШИОНЕРСКОМ СБОРЕ

О БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЗАКАЛКЕ

А. Волкова

Рис. Н. Куликова

Великая партия большевиков, партия Ленина-Сталина привела наш народ к величайшим победам.

Чем же сильна партия большевиков? Какие черты большевиков делают партию несокрушимой силой?

Ярче всего проявляются все лучшие черты большевиков у вождей нашей большевистской партии. Вся их жизнь является подвигом служения народу. У наших вождей должны мы учиться тому, как нужно любить Родину, любить свой народ.

ВЕРНОСТЬ РОДИНЕ И ЛЮБОВЬ К СВОЕМУ НАРОДУ

Ленин семнадцатилетним юношей узнал, что его любимого старшего брата казнили за революционную деятельность. Смерть брата не остановила Ленина в его решении идти по избранному пути революционера.

Товарищ Сталин говорил, что если бы каждый его шаг в работе не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то он считал бы свою жизнь бесцельной.

В тюрьме, на каторге, в ссылке, жестоко преследуемые врагами, большевики никогда не раскаивались в том, что выбрали тернистый путь революционера.

Дзержинский писал родным из тюрьмы, в которую бросили его царские жандармы:

„Здесь в тюрьме часто бывает плохо, бывает и страшно, и тем не менее, если бы мне предстояло начинать снова, я бы начал то же, что и делал“.

ВОЛЯ И УПОРСТВО

Прекрасные способности и отличная память позволяли Владимиру Ильичу в гимназические годы быстро и без труда готовить уроки. Другой бы мальчик радовался, что знания даются ему без труда, что не нужно напрягать память, чтобы усвоить пройденное. Но Владимир Ильич решил развить в себе настоящую трудоспособность, такую, какой отличалась его сестра Ольга. „Вот чьей работоспособности можно позавидовать“, говаривал Владимир Ильич.

От своего решения Ленин даже в молодые годы никогда не отказывался. И он с невиданным упорством развил в себе необычайную работоспособность.

После гимназии Владимир Ильич хотел поступить в университет, но его не приняли, как брата казненного революционера.

Тогда Владимир Ильич взялся самостоятельно пройти весь университетский курс. За два года упорных систематических занятий Ленин изучил все те науки, которые студенты проходили в четыре года.

Блестящие ответы изумляли университетских профессоров. Им не верилось, что можно овладеть предметом, никогда не слушая университетских лекций.

Ленин добился своего: отлично сдал все экзамены и получил диплом первой степени.

Воля, упорство в достижении намеченной цели крепили и возрастали с годами. Этим замечательным качествам учились большевики у Ленина.

Так же основательно и настойчиво учился в школьные годы и товарищ Сталин. „Часами просиживал над книгой юный Сталин, прижав руки к вискам“ вспоминает В. Кецохели.

Случалось, что на покупку книг не было денег, а в библиотеках нужные Сталину книги отсутствовали. Это не останавливало Иосифа Виссарионовича. Он шел к букинисту, находил нужную книгу, и, пока букинист разговаривал со своими покупателями, Сталин прочитывал и запоминал все интересовавшие его места.

Статьи Ленина произвели на Сталина сильное впечатление, и он решил во что бы то ни стало встретиться с Лениным. Товарищ Сталин знал, что Ленин это человек, за которым должны идти все русские революционеры. И чем труднее становилась борьба, тем настойчивее крепло желание встретиться с Лениным.

Эта встреча двух замечательных людей произошла в декабре 1905 года и положила начало великой неразрывной дружбе Ленина и Сталина, их совместной работе по руководству большевистской партией и революцией.

Феликс Дзержинский, находясь в тюрьме, не мог примириться с тем, как зверски обращались тюремщики с арестованными и организовал протест политических заключенных. За это начальник тюрьмы заковал его в кандалы. Железные кандалы затрудняли каждое движение Дзержинского, стирали в кровь ноги. И все революционеры, находившиеся в одной камере с этим замечательным человеком, старались, как могли, помочь ему. Но Дзержинский уговаривал товарищей не обращать на его кандалы внимания.

„Заковали, — говорил Дзержинский, — а мы все равно будем бороться и доведем нашу борьбу до конца. И победим“.

Дзержинский не сдавался, даже когда на ногах и руках появились раны. Он попрежнему был весел и бодр. Сломать его волю и упорство тюремному начальству так и не удалось. Пришлось пойти на уступки. Требования заключенных выполнили, а с Дзержинского сняли кандалы. Победила воля Дзержинского.

ЧУВСТВО ТОВАРИЩЕСТВА

Если Владимир Ильич замечал, что его школьным товарищам не дается какой-нибудь предмет, он старался объяснить непонятное и помочь.

Обычно Володя Ульянов приходил в гимназию на полчаса раньше, чтобы объяснить более слабым ученикам новую, непонятную теорему или помочь им перевести с греческого или латинского языков.

Еще гимназистом Владимир Ильич познакомился с сельским учителем Огородниковым и решил ему помочь. Этот человек стремился к знанию, но, не имея среднего образования, не мог поступить в университет.

За два года Владимир Ильич прошел с ним весь курс гимназических наук.

Таким же отзывчивым, чутким был с юных лет и товарищ Сталин.

П. Капанадзе, бывший школьный товарищ Сталина, вспоминает: „Иосиф Джугашвили отличался большой скромностью и был хорошим чутким товарищем. Он никогда не давал почувствовать свое превосходство, хотя был развит больше, чем мы. Он не кичился тем, что способнее нас, а наоборот, помогал нам своими знаниями, помогал нам рисовать географические карты, решать задачи, готовить уроки“.

Однажды в горийское училище, где учился Сталин, при-

был новый ученик Л. Гогохия.

Он был уроженцем Мингрелии и по-грузински говорил с акцентом. Некоторые ученики стали смеяться над неправильным выговором новичка. Но за него вступился Иосиф Джугашвили. Он подошел к Гогохия и просто, по-товарищески, сказал:

— Ну, давай, я буду учиться у тебя мингрельскому языку, а ты у меня грузинскому.

Чувство товарищества было сильно развито у Сергея Миновича Кирова.

Вместе с ним в классе учился лентяй—второгодник. Он всегда списывал уроки из чужих тетрадей. Сергей предложил ему помощь. Но лентяй отказался: списать у товарищей куда легче! Но Костриков не отступился. Он взял у лентяя чужую тетрадь, а когда тот полез в драку, Сергей, крепко ухватив его за пояс, заставил сесть с собой рядом и не отпустил до

тех пор, пока нерадивый ученик не решил задачи сам.

В 1918 году, когда советское правительство переехало из Петрограда в Москву, время было тревожное: в Москве только что был подавлен мятеж эсеров и меньшевиков.

„Мы, спутники Владимира Ильича, рассказывал товарищ Сталин, очень боялись за его безопасность. Поэтому, когда мы увидели, что ехать нужно в открытой машине, мы посадили Ленина, а сами вокруг него стали, чтобы не было видно Ильича, и чтобы прикрыть его в случае покушения. Владимир Ильич никак не хотел с этим примириться и требовал, чтобы мы тоже сели рядом с ним. Но мы отказались и всю дорогу ехали стоя.“

ХРАБРОСТЬ, МУЖЕСТВО И СТОЙКОСТЬ

После революции 1905 года царское правительство начало особенно жестоко преследовать революционеров.

Царские ищейки повсюду искали Ленина. Остаться в России было нельзя, следовало уезжать, чтобы не прерывать свою революционную работу. Но как уехать? Везде следили сыщики и жандармы. Остался один путь — пройти несколько километров по льду Финского залива. Зима только что начиналась, и лед еще не окреп. И все же Владимир Ильич избрал этот путь, — путь по льду. Он с трудом разыскал двух проводников, финских крестьян, и вышел вместе с ними. Мокрый снег, темнота, опасность угодить в ледяную воду затрудняли и без того нелегкий путь. Вдруг лед подломился, и Владимир Ильич очутился в воде. Нужно было собрать все силы, направить всю свою волю, чтобы заставить мышцы повиноваться. Ленин был человеком большой воли и он выбрался из полыньи.

Пять раз царское правительство приговаривало товарища Сталина к ссылке, и пять раз товарищ Сталин совершал побег. Каждый побег был сопряжен с огромным риском для жизни. Но впереди была свобода, революционная работа, и никакие трудности не могли его остановить.

Далеким Туруханский край был шестым местом ссылки Сталина. Селение Курейка находилось далеко за полярным кругом, там никогда не произрастал хлеб; в тундре и лесах бродили дикие звери. Лютый мороз достигал 65 градусов. Три месяца в году Курейка была отрезана от остального мира. Но даже в Курейке Сталин не прекращал партийной работы и находил способы общения с товарищами.

ДИСЦИПЛИНА

В семье Ульяновых всегда соблюдалась дисциплина. Например, в саду росло много ягодных кустов, но дети могли есть только

те ягоды, которые разрешала им мать. И это распоряжение никто никогда не нарушал. Даже совсем маленькие дети. Может это показаться несущественным, но не всякий ребенок умеет сдерживать себя, а дети Ульяновых умели. В этом залог той строгой дисциплины, которую позже выработал в себе Владимир Ильич.

По окончании гимназии Ленин начал курить. Но по просьбе матери, которая оберегала здоровье своего сына, Владимир Ильич бросил курить и никогда уже больше не курил.

Чувством высокой ответственности и строжайшей дисциплины были проникнуты все поступки Владимира Ильича и в детстве, и в юности, и в зрелые годы. Уже будучи председателем Совнаркома, он особенно точно приходил на

совещания, одним из первых являлся на субботники и работал наряду со всеми остальными.

Дисциплинированность Ленина стала образцом партийной дисциплины.

То же чувство долга и ответственности перед партией — партийная дисциплина заставляла Иосифа Виссарионовича предпринимать рискованные побег из ссылки. Разве мог Сталин оставаться в глуши, в бездействии, когда его ждало дело революции.

Феликса Эдмундовича Дзержинского товарищи часто называли „Железным Феликсом“ — так дисциплинированы были все его поступки. Он очень любил своего сына. И очень тосковал о нем в тюрьме. Разлука длилась уже шесть лет, когда свершилась Октябрьская революция. Но Феликс Эдмундович не мог разрешить себе даже краткого свидания с сыном. Прежде всего он должен был выполнить поручения партии.

Воля, упорство в достижении цели, дисциплина, работоспособность, преданность партии, народу, Родине — эти черты характера присущи каждому большевику.

Не следует думать, что эти качества приходят сами по себе. Здесь, на нескольких примерах, мы показали как Ленин, Сталин и другие большевики были требовательны к себе уже с детства, как упорно развивали они в себе волю, дисциплину, как работали над собой.

Вот почему настоящие черты большевика проявляются в малых и в больших делах.

Эти качества большевиков восприняла наша молодежь. Вспомните бессмертных героев Великой Отечественной войны: Зою Космодемьянскую, краснодонцев, Александра Матросова, Лизу Чайкину. Их славные подвиги говорят о той же любви к своему народу, о воле, упорстве, дисциплине, о верности Родине.

НАРОДНАЯ ГЕРОИНЯ

Л. Браусевич

29 ноября 1941 года, когда наша страна переживала самые тяжелые дни войны, когда шла великая битва за Москву, в подмосковной деревне Петрищево немцы казнили восемнадцатилетнюю партизанку, московскую школьницу Зою Космодемьянскую.

Мужественно перенесла Зоя жестокие пытки и героически встретила смерть. С петлей на шее, в последние свои мгновения, она крикнула советским людям, насильно приведенным к месту казни: „Бейте немцев, жгите, травите! Мне не страшно умирать! Это счастье — умереть за свой народ! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!“

Так умерла комсомолка Зоя. Так родился Герой Советского Союза Зоя Космодемьянская.

Когда говорят о богатырях, нам вспоминаются Илья Муромец, Вольга, Святогор. Это потому, что в нашем сознании живут созданные народной фантазией образы древних русских героев — богатырей.

А когда говорят о героях гражданской войны, нам рисуется образ Чапая, легендарного комдива Василия Ивановича Чапаева. Или, когда мы слышим: „Он был бесстрашным рыцарем Революции“, — мы вспоминаем Феликса Эдмундовича Дзержинского, первого чекиста, „Железного Феликса“.

Во все века искусство стремилось сохранить для будущих поколений замечательные образы народных героев.

Вечно живыми встают перед нами люди, соединившие в себе лучшие черты характера своего народа: мужество, душевное величие, беззаветную любовь к родине.

После победы над германским фашизмом в нашу жизнь входят образы героев

Отечественной войны, героев советского народа. Одним из самых ярких в искусстве нашего времени встает образ Зои Космодемьянской.

Подвигу Зои посвящена удостоенная Сталинской премии поэма Маргариты Алигер „Зоя“. В этой поэме образ партизанки Зои, как живой встает перед нами. Он олицетворяет всю нашу сражающуюся, непокорную, непобедимую Родину. Поэма говорит о том, что с детства вся жизнь обыкновенной советской школьницы Зои вела ее к этому подвигу. Школа, пионерская организация, комсомол, новый советский строй жизни, высокие идеи ленинско-Сталинской партии воспитали и вырастили героиню Зою:

Поэма говорит о ней:

„Как облачко в небе,
Как след от весла,
Твоя золотистая юность бежала,
Твоя пионерская правда росла,
Твоя комсомольская правда мужала.
И шла ты походкой, летящей вперед,
В тебе приоткрытое тайное завтра,
И над тобою, как небосвод,
Сияла твоя большевистская правда...“

Пьеса М. Алигер о Зое „Сказка о правде“ с успехом идет во многих ТЮЗ'ах.

Скульптура — одно из самых древних искусств — всегда стремилась к созданию чистых, возвышенных образов. Подвиг Зои вдохновил советских скульпторов. В. Мухина, З. Ракитина, М. Манизер создали благородный образ Зои, вызвав его к жизни ударами резца и мрамор. Скульптура З. Ракитиной изображает Зою на допросе; изорвана одежда, туго перетянуты веревками плечи, но лицо Зои полно твердой решимости. Зоя в оковах, но Зоя не побеждена, она — победительница.

... Последние минуты жизни Зои изобразили на своей картине лауреаты Сталинской премии художники Кукрыниксы. Окруженная палачами стоит на месте казни Зоя, она глядит в лицо смерти. Своим бесстрашием Зоя вселяет мужество в сердца советских людей, согнанных к месту казни.

Лауреат Сталинской премии художник Н. Жуков нарисовал сцену допроса Зои, — и здесь Зоя встает перед нами непокоренной, несломленной испытаниями.

... Все знают кинофильм „Зоя“. Его созидали режиссер-сценарист Л. Арнштам, композитор Д. Шостакович и совсем молодая кино-артистка Галина Водяницкая, исполняющая роль Зои. В этой картине перед нами проходит вся жизнь Зои, — от ее рождения до смерти. На наших глазах складывается характер Зои. Мы видим, как ее сердце горячо переживает все события своей страны и всего мира, как стремится она познать смысл жизни, как ее влечет к добру, душевной чистоте, честности во всем, даже в мелочах. После этой картины мы понимаем,

что только такая жизнь, которую прожила советская школьница Зоя, смогла создать бесстрашного борца за человечество.

... В одной из ленинградских школ хранится большой, красиво оформленный альбом с надписью: „Наши любимые книги“.

Вот, что записала на его страницах ученица этой школы Сана Невская:

„Самая любимая наша героиня — Зоя Космодемьянская. Поэму М. Алигер „Зоя“ читали все девочки нашего класса. Многие знают наизусть отрывки из этой поэмы.

Если одна из учениц начинает лениться, тотчас же кто-нибудь скажет тихонько: „А ведь Зоя не ленилась. Зоя всегда хорошо работала“.

Не один раз мы обращались к образу Зои и думали: как бы Зоя поступила в том или другом случае?..

Так образ Зои входит в нашу жизнь. Он ведет за собой, учит честности, душевному величию, мужеству, любви к Родине, к Сталину, — он зовет беззаветно служить своему народу.

★

Творчество наших читателей

ПАРТИЗАНЫ

Идет парнишка через лес
Росистою тропой,
Ему лучи наперерез
Бросают свет косой...
А лес вокруг него встает
Темнеющей стеной...
Он — партизан, теперь идет
С задания домой.
Он разузнал, что только мог.
Он выполнил приказ.
В разведку ходит паренек
Уже в который раз.
Он знает все, со всем знаком —
Тверда его рука.
Зовут „Курносый Васильком“
В отряде паренька.
Годов тринадцать можно дать,
Оборван, босиком...
Как партизана распознать
В оборвыше таком?
В глазах задорный огонек,
А вот висок — седой. —
Не раз встречался Василек
С несчастьем, да с бедой...
И вот сейчас, в вечерней мгле
Он шел к себе в отряд.
Он разузнал, в каком селе
Каратели стоят...
Уже и лагерь недалек —
Пройти лишь речку вброд...
Поправил сумку Василек
И зашагал вперед.
Уж позади давно река...
У ели вековой

Негромким криком Василька
Окликнул часовой:
„Эй! Кто?“ — „Свой!“ — „Пароль?“ — „Фазан“.
Дорога чуть правей...
И вот он — лагерь партизан,
Домишки из ветвей.
Идет навстречу Васильку
Семенов — командир.
Тяжелый маузер на боку,
Одет в простой мундир.
„Боец Авдюшин?“ — „Точно так!“ —
„Ну, как дела у вас?“
Ответил с гордостью смельчак:
„Я выполнил приказ!“
И командир стал ласков вдруг
И посветлел лицом,
Потом сказал, как другу друг:
„Что ж, Вася, молодцом!“
А Вася, доложив, что знал,
Решил уж спать итти.
Но командир ему сказал:
„Зайдем-ка по пути
Ко мне, курносый мальчуган“.
Пришли. Он сел на стул,
И командир ему наган
Свой новый протянул.
К себе в шалаш наш Василек
Как буря прилетел.
Он сотни раз спускал курок
И щелкал и свистел.
Потом, усталый, лег он спать
На свежем ветерке,
Но продолжал во сне сжимать
Подарок свой в руке.

*Борис Черняков
56-е ремесленное училище*

ГОЛУБАЯ ПЕЩЕРА

М. Зверев

Рис. И. Шабанова

Солнце только еще начинало садиться в горах Заилийского Алатау, когда неожиданно проводники остановились и слезли с коней. Экспедиция еще целый час могла двигаться вперед, и ночевать было рано.

— В чем дело, что за остановка? — подъяезжая, нетерпеливо крикнул инженер.

— А ничего, — невозмутимо, как всегда, ответил Усен. — Привал.

Начался спор. Инженер требовал двигаться дальше. Оба проводника упорно отказывались. Это была своеобразная забастовка в горах, за десятки километров от какого-либо жилья.

Проводники, отвернувшись, начали расседлывать коней. Никакие убеждения на них не действовали.

Инженер был озадачен. Попадать в зависимость от проводников в самом начале экспедиции было не в его характере. Он слез с коня и подошел к казахам. Они решительно и быстро развьючивали лошадей, хотя были заметно смущены собственным своеволием.

— Ну, говорите же в чем дело? Что случилось? — уже спокойно спросил инженер.

Усен робко взглянул вперед и начал объяснять. Впереди тропа идет по карнизу глубокого ущелья. Напротив, среди отвесных скал, есть пещера. Всю ночь в ней горит голубой огонь от осколка луны, упавшего туда с неба. Ущелье тянется всего километра два. Вдруг ночь захватит их в ущелье? Тогда беда. Какое-нибудь несчастье случится с ними там, или будет ожидать их огорчение по возвращении домой. Ни один казах не отважится попасть под голубые лучи пещеры.

В доказательство последних слов Усен показал на многочисленные остатки костров около того места, где они остановились.

— Здесь ночуют все, если солнце начинает спускаться!

Инженер понял, что никакие уговоры не помогут. Он начал расседлывать свою лошадь.

„Но в чем же все-таки дело? — размышлял инженер, сидя на камне, пока проводники спутывали коней и разводили костер. — Что за таинственный свет из пещеры?“ — И он решил во что бы то ни стало взглянуть на этот голубой свет.

За ужином он еще раз подробно расспросил Усена, где расположена пещера.

Когда начало темнеть, инженер встал и взял ружье. Проводники испуганно переглянулись.

— Пойду взгляну, что это за голубая пещера, — сказал он, закуривая.

Проводники разом вскочили и бросились умолять инженера не делать этого. Они просили пожалеть их детей, скот. Усен даже снял шапку. Другой чуть не плакал. Ссориться с людьми, с которыми придется жить в горах все лето, было глупо. Инженер сел и положил ружье. Проводники успокоились.

Среди ночи он проснулся. Небо было усыпано звездами. Ночь была темная, безлунная. Костер давно погас. Где-то в стороне фыркали спутанные лошади.

Оба проводника мирно спали рядом с ним, по обеим сторонам. Это было странно: прошлые ночи проводники спали в стороне от него, на одной кошме.

Он чиркнул спичку и взглянул на часы. Был час ночи.

При свете угасающей спички инженер заметил какую-то черную линию поперек своего одеяла. Он протянул руку и нащупал твердый конский волос.

Инженер улыбнулся наивной хитрости спутников: они перекинули через него волосяной аркан, чтобы он не сбежал от них ночью в ущелье.

Он осторожно выскользнул из-под одеяла, натянул сапоги, вытащил из-под изголовья ружье. Но патронташ был в сумке под головой одного из проводников.

Пришлось положить ружье обратно: полезешь за патронами, разбудишь проводника. Да и зачем ему ружье? Он не собирается стрелять по голубой пещере. Ему нужно только убедиться — действительно ли она существует.

Через несколько минут он уже был в ущелье. Шагать приходилось осторожно. Темно, а тропа поднималась над пропастью. Где-то далеко внизу шумела речка. Теплая летняя ночь была полна звуков. Среди скал зловеще ухали филины. Нескончаемую трель тянул козодой. Временами он замолкал и, взлетев где-то в темноте, громко хлопал, как в ладоши, крыльями.

Нервы инженера были напряжены: ночью и в знакомом месте столько непонятного, а тут впереди ждет еще этот таинственный „осколок луны“.

Вдруг сверху посыпались мелкие камешки. Инженер вздрогнул. Кто-то быстро бежал по склону.

Короткий глухой рев. А! Это дикий козел.

Уже полчаса шагал инженер, спотыкаясь о камни, но никакой светящейся пещеры не было видно. Ясно, что он как мальчишка, поверил глупой сказке. Вместо того, чтобы выспаться и отдохнуть, он шагает над пропастью, в любую минуту рискуя оступиться в темноте и полететь вниз. Но вместо того, чтобы вернуться, он все шел вперед: дело было начато, надо было довести его до конца.

Вдруг впереди блеснул слабый свет. Инженер остановился. Неужели в самом деле таинственная голубая пещера?

Свет слабо мерцал из-за скалы на той стороне ущелья. Казалось, в середине горы начинает всходить луна. Но ничего не разглядишь отсюда: надо обогнуть скалу впереди.

Крадучись, инженер двинулся вперед. Он высоко поднимал ноги: боялся, как бы кто не услышал его шагов. Вдруг тогда свет погаснет?

Долго крался, все ругая себя, что оставил ружье. Но вот и скала. Тропа делает резкий поворот. Как на зло, из-под ноги вывернулся камешек и загремел вниз. Инженер присел от испуга.

Свет горит попрежнему!

Инженер снял сапоги и в одних носках неслышно пошел дальше. Свет уже близко, где-то за вторым поворотом.

Вот и этот поворот. Инженер решительно ускорил шаги и вдруг остановился, пораженный: на той стороне ущелья, на черном склоне горы, что-то горело голубым мертвым светом.

Тишина. Филины и другие птицы с их криками остались далеко внизу. Эта полная тишина среди скал темной безлунной ночью и таинственный лунный свет напротив, через пропасть, могли внушить страх и не робкому человеку.

Долго стоял инженер, теряясь в догадках. Что это такое? Приблизиться к источнику света он не мог.

Решив во что бы то ни стало утром разгадать эту тайну он, наконец, повернул назад.

Вернулся он на стан безо всяких помех и залез под одеяло, не разбудив своих проводников.

Утром, после раннего завтрака, проводники стали собираться к отъезду. Но к удивлению их, начальник объявил, что дальше сегодня экспедиция не двинется.

Уговорить Усена показать таинственную пещеру оказалось нетрудно: днем, при солнечном свете казахи не боялись проходить ущельем.

Обогнули вторую скалу. Усен остановился и показал пальцем как раз по тому направлению, где ночью привиделся инженеру лунный свет. Там — через пропасть — среди отвесных скал чернела пещера. Огромная хищная птица сидела перед входом в нее.

Инженер тщательно рассмотрел птицу, увидел длинную бороду у нее под клювом и понял, что это ягнятник, бородач — крупнейший гриф, превышающий ростом даже горного орла — беркута. Как могильный памятник, бородач неподвижно сторожил вход в пещеру.

Снизу пещера была совершенно недоступна: она обрывалась в пропасть. Но сверху можно было попытаться спуститься до нее — на длинной веревке.

Инженер решил сделать это.

Он молча повернул назад. Усен пошел за ним.

Подъем на гору по эту сторону ущелья оказался необычайно труден. Впервые, вероятно, ступала нога человека по этим крутым голым скалам без единого кустика травы. Но трое людей при помощи арканов дружно преодолели все препятствия и к трем часам после полудня встали на гребень горы.

Тут только инженер понял свою ошибку: с той стороны скалы, с тропы, ему надо было точно наметить место, откуда спускаться к пещере, — а он этого не сделал. Невозможно было спускаться наугад, заставляя людей тянуть себя наверх, опять спускаться.

Послать одного проводника на тропу, и пусть с той стороны покажет ему, где пещера? Но одному человеку не под силу будет спустить его со скалы, да и времени уйдет слишком много. Подойдет вечер — и проводников опять охватит страх перед таинственным местом, они не останутся здесь. Все труды пропадут даром.

Инженер решил посоветоваться с Усеном, — как быть? Усен подумал и, как всегда невозмутимо, сказал:

— Стреляй вниз. Птица покажет.

Инженер хлопнул себя по лбу:

— Правильно!

Он схватил ружье и, высунувшись над краем, выстрелил в пропасть.

Сейчас же, словно отколовшись от скалы внизу, отделилась от нее огромная птица. Вородач расправил свои широкие крылья и, почти не шевеля ими, поплыл над бездной.

И сейчас же вслед за ним, точно с того же места — инженер крепко приметил его, — где снялся первый, возник второй ягнятник и взмыл за товарищем.

Теперь было известно, где надо спускаться. Сделав на аркане петлю для сиденья, инженер еще привязал аркан к поясу. К этому аркану проводники прочно привязали еще два. Начался спуск. Инженер повис над пропастью, сидя в петле и судорожно держась за аркан выше себя. Ногами упирался в каменную стену.

Он спускался все ниже, ниже, — а пещеры все не было. Вдруг не хватает длины арканов?

Тут ноги его потеряли опору, и он качнулся вперед, ударился коленками о камень.

Аркан скользнул ниже — и инженер повис против большой дыры в каменной стене. Это и была пещера.

Еще немного ниже, — и он стал ногами на ее край. Аркан ослаб. Инженер достал из кармана свисток и дал сигнал наверх, что достиг цели.

Вход в пещеру загромождало огромное гнездо ягнятников — целая груда толстых костей и палок. Судя по тому, какое здесь было навалено множество костей, ягнятники гнездились тут не один десяток лет.

Инженер перелез через гнездо — ни яиц, ни птенцов в гнезде не было, — и чиркнул спичку. Трепетный огонек разом осветил всю пещеру.

В глубину она была не больше четырех метров, в высоту — в рост человека. Простое углубление в скале от выпавшего большого камня. Никаких таинственных ходов, уходящих в стены или в пол, — все как на ладони. Кости, мелкий камень и каменная пыль, пыль, копившаяся здесь веками: ведь от веку сюда никогда не попадала ни одна капля воды.

Никаких, ни малейших признаков таинственного осколка луны, — пустота.

Но что же, что светило отсюда ночью?! Зажигая спичку за спичкой, инженер тщательно осмотрел каждый квадратный сантиметр пещеры, выстукал ее стены, пол. Сплошной камень, никаких пустот. И ни одной летучей мыши. Эти крылатые зверки ютятся

во всех углублениях скал. Но здесь для них, видно, слишком большая высота.

Инженер присел на край гнезда и глубоко задумался. Он не мог объяснить таинственное ночное свечение в пещере.

Вывел его из задумчивости аркан, задержавший его вдруг за пояс.

Не сразу сообразил инженер, что это проводники дают ему какой-то сигнал. Взглянул на часы. До захода солнца не оставалось и двух часов. Тогда ему стало ясно, что

казахи там наверху волнуются, дают ему понять, что пора подниматься.

Ночью их охватит страх, они убегут — и кто его знает, не придется ли ему тогда умереть от голода и жажды в этой пещере. Значит, надо подниматься.

Инженер поспешно снял с себя заплечный мешок, набил его камнями, палками и костями и, приготовившись, свистком дал сигнал, чтобы его поднимали.

Тайна голубой пещеры осталась нераскрытой. Но, еще висая в воздухе на аркане, инженер дал себе слово, закончив изыскания, на обратном пути остановиться у этого ущелья и не уходить отсюда, пока он не раскроет загадку таинственного ночного света.

Спали эту ночь все трое путников как убитые. Утром экспедиция снялась и без приключений миновала ущелье.

Следующая ночь застала их глубоко в горах Заилийского Алатау. Они выбрали себе пещеру на берегу быстрой горной речки, поужинали, разложили вещи для просушки вокруг костра и улеглись спать — инженер

в одном углу пещеры, оба проводника на одной кошме — в другом.

Инженер все еще не мог отвязаться от мысли о своей неудаче да так и заснул, ломая себе голову над неразрешенной загадкой.

Чье-то прикосновение, чей-то быстрый шопот разбудил его ночью.

— Беда, беда, пропали! — разобрал он голос Усена еще с закрытыми глазами, быстро схватил ружье и вскочил. Но стрелять было не в кого.

Вся пещера была залита слабым голубоватым светом — тем самым мертвенным лунным светом, что видел он третьего дня в ущелье. Костер не горел. И у входа в пещеру стеной стояла черная-черная ночь.

Глаза инженера быстро отыскивали источник света: это были кости из гнезда ягнятников там, в голубой пещере. Кости, разложенные им для просушки.

Все стало ясно: груды костей, десятки лет сохших в сухой как печка пещере, светила ярким фосфорическим светом и создавала легенду о таинственном осколке луны, приносящем беду и несчастье.

ЗАГАДКА

— Имею я, как артишок,
Листы и прочный корешок.
Как дуб, бываю я порой
Одета твердою корой.

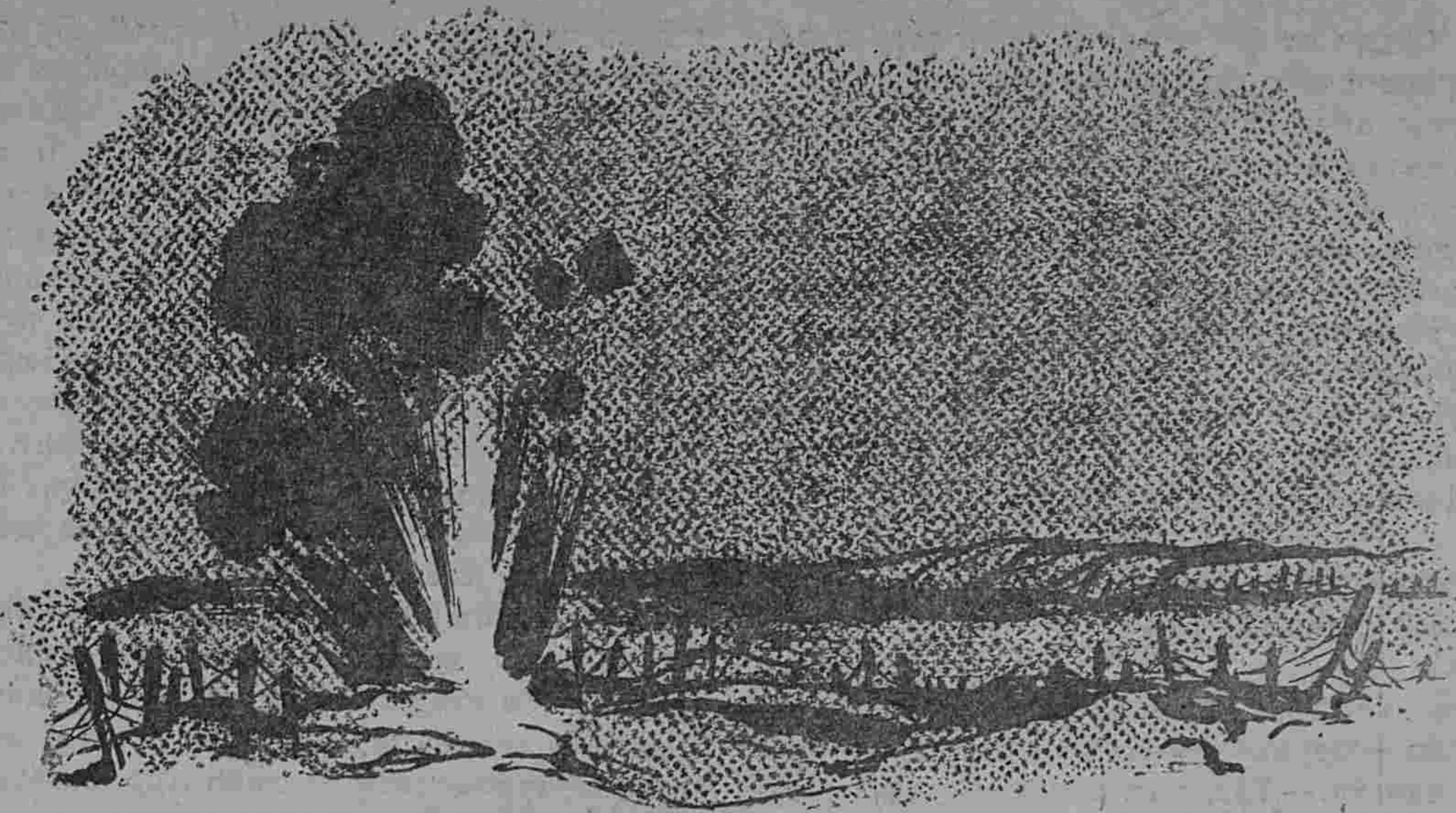
Тем, кто вложил в меня труды,
Я приношу свои плоды.
— Так где же я тебя найду?
— Ни в огороде, ни в саду,

И в поле не найдешь меня,
Поля сама имею я.

Перевел с английского
А. Шмульян

Фр
ко
да
и
вс
Фр
Фр
щ
ко
с
во
П
ла
сл
об
во
по
пр
В
гра
тем
Фр
вра
Т
Д
Илл
тел
вбр
М
тру
К
для

П Е Р Е К О П

Сот

Рис. Б. Семенова

Двадцать пять лет тому назад армии Южного фронта готовились к штурму Крымских перешейков. Перед красными полками стояла трудная задача — ворваться в Крым, последний оплот белых и разгромить их. Ведь в Крым стекались остатки всех белых армий, разбитых красными на разных фронтах. Освободить Крым было поручено М. В. Фрунзе.

Михаил Васильевич Фрунзе, большевик-подпольщик, к тридцати пяти годам был опытным полководцем.

Он с детства увлекался военным делом, и на вопрос, кем он хочет быть, отвечал — генералом.

Во время мировой войны 1914—1919 гг. Фрунзе на царской каторге и в ссылке не переставал следить за ходом военных действий и часто объяснял товарищам смысл и значение разных военных операций. Он даже организовал кружок по изучению военной истории, который ссыльные прозвали „Военной академией“.

Военная служба Фрунзе началась во время гражданской войны. Командуя сначала одной, затем несколькими армиями Восточного фронта, Фрунзе разбил войска одного из самых опасных врагов революции — адмирала Колчака.

Теперь предстояло разгромить войска Врангеля.

Действовать надо было наверняка. Владимир Ильич Ленин писал Фрунзе: „... готовьтесь обстоятельнее. Проверьте, изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма.“

Михаил Васильевич Фрунзе хорошо понимал трудность возложенной на него задачи.

Крым—это как бы природная крепость, удобная для обороны. Три полосы земли—три перешейка:

Перекопский, Чонгарский и Арабатская стрелка соединяют полуостров с материком. Между перешейками воды Сиваша — гнилого моря, неглубокого, но труднопроходимого.

Штурмовать в лоб Перекопский перешеек нельзя, — он сильно укреплен. Его пересекает вал с пушками и пулеметами, перед валом — глубокий ров. А за ними бетонированные укрепления и несколько десятков рядов колючей проволоки тянутся на расстоянии тридцати километров.

Двинуться по Чонгарскому среднему перешейку или Арабатской стрелке — восточному перешейку? Но и здесь белые надежно укрепились, и огонь их флотилии задержит наступающих.

„Сначала изучи, а потом действуй“ — этого правила всегда придерживался Михаил Васильевич. И теперь, изучив историю Крымских походов, он было решил пройти по Арабатской стрелке и переправиться на полуостров в устье реки Салгира, в тридцати километрах к югу от города Генчешеска. По этому пути в 1732 году фельдмаршал Ласси вышел в тыл войскам хана и быстро овладел Крымом.

Но, разрабатывая предстоящую операцию, Фрунзе отверг план Ласси, как мало надежный и предложил свой план, более трудный, требовавший от людей выносливости и мужества, но более верный.

Все дело в том, что Сиваш при ветре с запада мелеет, а при восточном — наполняется водой. Эту особенность Сиваша Фрунзе решил использовать, и по мелководью провести свои полки. Затем, ударив между Перекопом и Чонгаром, разрезать оборону врага надвое, отвлечь силы

и внимание белых от Перекопа и атаковать перекопские укрепления с фронта и тыла.

Вот что рассказывает проводник Красной Армии товарищ Оленчук о своей беседе в штабе с Михаилом Васильевичем.

— Вы знаете, Оленчук, Сиваш? Как он сейчас, сухой или мокрый, — спрашивает меня т. Фрунзе.

— Есть, — говорю, — сухой, а есть и мокрый.

— Почему так?

— Потому что есть такие места, которые никогда не высыхают.

— Ну, а днем их можно обойти?

— Можно.

— А расстояние вы знаете, сколько от этого берега до того берега?

Я ответил.

— Хорошо. Так вот что, Оленчук, вам предстоит задание. — Фрунзе усмехнулся, потрепал меня по плечу и сказал: — Так, вот, когда будем наступать, поведете Красную Армию через Сиваш..."

В ночь с 7 на 8 ноября 1920 года, в третью годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, красные бойцы начали необычный переход по морю. Молча, в темноте, сквозь густой туман, они шли друг за другом. Ледяная вода иногда доходила до щиколоток, иногда подымалась до груди. Рота за ротой, батальон за батальоном, полк за полком пробирались по воде. Продохшие люди шли час, другой, третий, осторожно переставляя ноги по вязкому илистому дну.

Близился утренний рассвет, когда Оленчук сказал:

— Товарищи, вот вам и Литовский полуостров! Переход по морю был закончен. Самое трудное осталось позади. Бойцы вступили на сушу, на землю, занятую белогвардейцами и сразу же ринулись в атаку.

Схватка была решительной и недолгой. Белые сразу были разбиты и отступили. Литовский полу-

остров перешел в руки Красной Армии. Артиллерия еще продолжала переправу, но тут направление ветра изменилось, и вода в Сиваше стала прибывать. Пушки заливало водой, и тащить их становилось с каждой минутой труднее. В это время нарушилась связь с северным берегом Сиваша. Но выручили связисты: они стали цепочкой поперек Сиваша и, вымокшие до костей, под пронизывающим и холодным ветром, держали провод в руках.

Наступил трудный и опасный момент. Врангель бросил в контратаку новые части, броневики, танки, отборную конницу, и белогвардейцам удалось отбить две наших атаки.

Но вот заговорили орудия Красной Армии — их снаряды взрывались на Перекопском валу, стреляли со стороны, откуда белым даже не приходило в голову ждать огня. Вслед за артиллерией переправилась конница Ворошилова и Буденного и поддержала натиск пехоты.

Фрунзе сам управлял ходом боя и непрерывно объезжал части. Ни жестокий огонь белых, ни усталость, ни холод не могли остановить наших бойцов; они штурмовали Перекоп в лоб и с тыла. Как и наметил Фрунзе, оборона белых была разорвана надвое. Удар через Сиваш отвлек большие силы Врангеля.

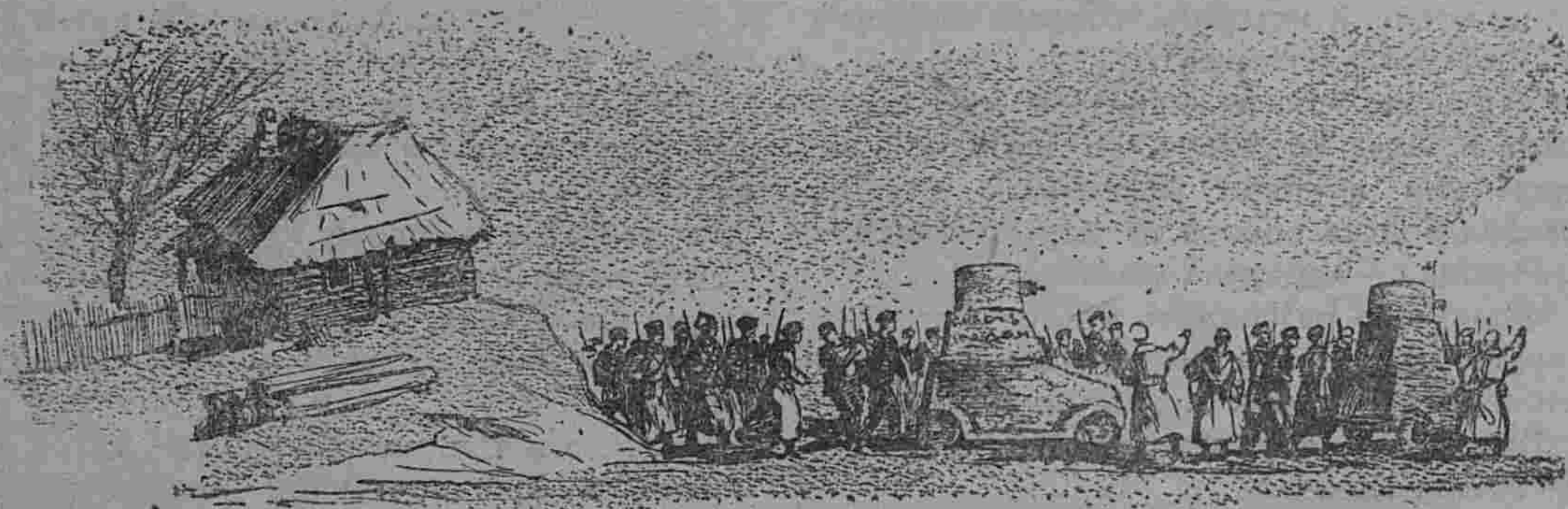
Ожесточенный бой длился долго — и только в ночь на 9-ое ноября над Перекопом взвилось Красное знамя. А через десять дней после начала штурма, Крым был полностью освобожден.

В день взятия Керчи Фрунзе отправил Ленину телеграмму:

„Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован.“

Об этой гениальной операции В. И. Ленин писал:

„Одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии — есть та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем...“

Левая БРОВЬ

Чешская сказка.

Есть в Чехии город Прага. Всем хорош этот город. Много в нем красивых домов с башенками, тенистых садов, богатых рынков. Но лучше всего в Праге — древний, знаменитый на весь мир, университет. Какие толстые книги читают пражские ученые! А какие парики носят они на голове — пышные и белые, как облака! И мантии у них длиннее, чем у королей. Пражские студенты тоже читают ученые книги, но потоньше, и париков они не носят, но зато они умеют петь веселые песни и лихо плясать на вечеринках.

Со всех концов Чехии приходят юноши учиться в Пражский университет, да и не только из Чехии, — из других стран тоже приходят и приезжают молодые люди.

Вот однажды, было это в воскресный день, к стенам города Праги подошел юноша с котомкой за плечами.

Видно было, что шел он издалека, потому что сапоги и платье его были покрыты дорожной пылью. И только миновал он ворота, как навстречу ему из-за угла высыпала толпа веселых студентов. Юноша с почтением поглядел на них. Вот они — пражские студенты! Что за молодцы! Особенно ему понравилось, что все они носят бархатные береты, украшенные пышными перьями. И надевают-то они эти береты не так, как все, а лихо сдвинув их на левый глаз. „Завтра же куплю себе такой же!“ — решил юноша.

На следующий день, надев берет на голову и надвинув его на левый глаз, так что приходилось смотреть только правым, юноша отправился в университет.

Не успел он подняться по лестнице, как его со всех сторон обступили студенты. И все они были в беретах с огромными перьями,

— Что-то вы нам незнакомы, — сказал один из них. — А уж мы-то знаем тут всех наперечет. Как вас зовут?

— Зовут меня Корандой. А знать вы меня и не можете, я только вчера прибыл в ваш знаменитый город.

— Только вчера прибыли в Прагу?! Так когда же вы успели познакомиться с папашей прекрасной Елены?

— С каким папашей? И о какой прекрасной Елене вы толкуете? — удивился Коранда. — Я что-то ничего не понимаю.

— Ну, рассказывайте сказки! Для чего же, скажите на милость, вы сдвинули свой берет на левый бок?

— Как для чего? Ведь и у вас у всех такие же самые береты и так же сдвинуты на бок. Я думал, что это у вас, у настоящих пражских студентов, такой обычай.

— Обычай-то обычай, да не для всякого. Такую честь надо сначала заслужить, — сказал студент и подмигнул своим товарищам.

Те так и покатались со смеху.

Коранда растерянно поглядел на студентов.

— Я на все готов, — сказал он. — Только скажите, что я должен сделать?

— Ну, если вы так храбры и решительны, мы откроем вам нашу тайну. Эти береты мы носим в честь прекрасной дамы — владычицы наших сердец. Только тот, кто посвятит себя служению этой даме, получает право носить его не на правом, а на левом боку.

— О, скажите же мне поскорее, кто эта прекрасная дама, и где я могу ее увидеть! — воскликнул Коранда.

— Где вы можете ее увидеть, как не в ее собственном замке, — важно сказал студент. — Впрочем, вы не пугайтесь — этот замок мало чем отличается от простой

фермы. Многие его так и называют. Надо выйти за ворота города и идти все прямо и прямо по тропинке. А этот замок недалеко стоит.

— Так я сейчас же отправлюсь туда, — сказал Коранда.

— Не спешите, — сказал студент. — Вы как будто славный малый, и мы должны вас предостеречь. Как говорится в наших добрых чешских сказках, всякую красавицу стережет какой-нибудь дракон. И у нашей Елены есть свой дракон, только он прикинулся ее папашей. Чтобы умиловить его, вам придется послужить и ему.

— Ну, это все равно, — сказал Коранда. — Если вы его не побоялись, не побоюсь и я. — И Коранда сбежал по ступеням вниз.

Тропинка, о которой говорили студенты, скоро привела Коранду к небольшой ферме, окруженной плетеным забором.

Коранда заглянул за огород, и тут сердце его замерло — он увидел прекрасную девушку, половшую грядки.

„Ну, ради такой красавицы можно сделать всё на свете“, — подумал Коранда и храбро толкнул калитку.

У конюшни, с вилами в руках, стоял старый фермер.

— Вот еще один ученый в берете явился, — сказал фермер. — Что же, и ты решил поменять свои ученые латинские книги на плуг?

— Да, я охотно буду служить вам, если вы меня возьмете.

— Возьму, отчего же не взять. Только помни — ты должен работать у меня ровно год, до тех пор пока кукушка не возвестит о наступлении весны. А еще я люблю по-

кладистых работников. Если ты хоть раз рассердишься на меня, я сбрею тебе левую бровь.

„Ах вот в чем дело, — подумал Коранда, — теперь-то я понимаю откуда пошла пражская мода! Ну, да мы еще посмотрим, чья возьмет, не идти же теперь на попятный“.

И он сказал фермеру:

— Ладно, будь по-вашему. Только одно я вам должен сказать. Вы любите покладистых батраков, а я люблю покладистых хозяев. Если вы первый рассердитесь на меня, позвольте уже мне сбрить вашу бровь.

— Что ж, это будет по справедливости, — согласился фермер, и они ударили по рукам.

Вот, на другой день, чуть свет, посылает хозяин Коранду с другими батраками боронить поле. Отправился Коранда в поле, принялся боронить. Час прошел, другой, настало время завтракать. Хозяин позвал всех батраков в дом, а Коранду не зовет.

„Ладно, — думает Коранда, — потерплю до обеда“.

Но и в обед хозяин не позвал Коранду, всех позвал, а про него будто вовсе забыл.

И на этот раз ничего не сказал Коранда. Боронит себе и боронит, только нет-нет, да и оглянется назад, на ферму. Наконец, увидел он, что хозяин и все батраки после обеда под навес спать улеглись, а хозяйка пошла кур кормить. Ну, Коранда бросил борону, да скорее в кухню. Снял с крюка большой окорок, из печки каравай хлеба прихватил, да и снова в поле.

Поел досыта и спать улегся на травку. Так до вечера и проспал. А как стемнело, пошел домой.

Фермер его спрашивает:

— Ну как, нравится тебе у меня?

— Нравится.

Тут из кухни выбежала хозяйка.

— Воры, воры! — кричит. — Самый лучший окорок украли!

— И вправду, неплохой окорок был, — сказал Коранда. — Хорошо прокопчен.

— А ты откуда знаешь? — закричал хозяин.

— Как же мне не знать, когда я его сам съел!

— Мой окорок съел? Да вот я тебя!..

— Да вы, кажется, сердитесь? — сказал Коранда.

— Нет, нет, — тяжело вздохнул хозяин, — съел — и на здоровье.

Ну, с того дня приказал кормить своего батрака вволю, досыта.

В воскресенье хозяин с женой и дочерью собрался в церковь, а Коранде велел к их приходу обед готовить.

— Свари, — говорит, — в чугушке сала кусок, прибавь луку, моркови, да не забудь петрушку положить.

— Ладно, — отвечает Коранда. — Про петрушку не забуду.

Уехали хозяева. А Коранда принялся за дело: печку затопил, чугунок с водой на огонь поставил, сала положил, луку, морковки, все как ему велели. И про петрушку не забыл.

Был у хозяйки любимый петушок — Петенька, Петрушка. Ну, Коранда его поймал, прирезал, ощипал, да и в чугунок положил. Славный суп получился.

К вечеру вернулись хозяева. Сели за стол обедать. Хозяин крышку с чугушка снял да как закричит:

— Ты что это в суп положил?

— Петрушку.

— Какая же это петрушка!? Это курица, а не петрушка.

— Что вы, хозяин, не курица это вовсе. Петрушка это — Петя-Петрушка.

— Петя-Петрушка! Так значит ты моего лучшего петуха сварил! Ах, ты, негодяй! Да как ты посмел!

— Да уж не сердитесь ли вы? — сказал Коранда и вытащил из кармана бритву.

— Что ты, что ты! — замахал руками фермер. — Этого Петрушку давно зарезать пора было. Драчливый он, да и стар стал.

Ну, прошло еще несколько дней. Опять понадобилось хозяину со своей семьей из дому отлучиться — в город, на базар.

Как тут быть? Боязно такого батрака дома оставить, как бы опять бед не натворил.

Вот хозяин и говорит Коранде:

— Ну, Коранда, я тебе сегодня ничего не наказываю. Смотри — что другие работники делать будут, то и сам делай.

— Ладно, — отвечает Коранда. — Что другие, то и я.

Только хозяева уехали, пришли кровельщики. Во дворе сарай стоял, на нем крыша совсем прохудилась, надо было новую настлать. Ну, кровельщики первым делом принялись старую сдирать.

А Коранда посмотрел на них, притащил лестницу и полез на крышу дома.

Кровельщики старую крышу на сарае ломают, а Коранда над новой старается. Знай дерет дранку за дранкой, гвоздик за гвоздиком, планку за планкой.

Поздно вечером вернулся хозяин, зашел в дом да так и ахнул. Что такое!? Луна сквозь потолок в комнату заглядывает, в кувшине с водой поблескивает!

А работник на стуле развалился, звездами любуется, после трудов тяжелых отдыхает.

— Ты, негодяй! — закричал фермер. — Что это ты опять наделал!?

— А ничего. Кровельщики крышу ломали, и я крышу ломал. Что другие делали, то и я. Разве вы мне не так велели? — сказал Коранда, а сам в карман полез, бритву достает. — Да уж не сердитесь ли вы, хозяин?

— Нет, нет, не сержусь, — прохрипел фермер, покосившись на бритву. — Чего мне сердиться. Теперь лето, и без крыши проживем.

— Верно, хозяин, свежий воздух человеку полезен, — сказал Коранда и отправился спать.

А фермер позвал жену и дочку и говорит:

— Как бы нам от работника избавиться? Совсем мне от него покоя не стало.

— А вот как, — сказала Елена. — Рано утром я заберусь на грушевое дерево и закукую кукушкой, а ты, батюшка, скажи работнику: „Вот и год прошел, — кукушка закуковала. Поработал у нас и хватит, иди на все четыре стороны“.

Сказано — сделано. Утром забралась Елена на дерево, спряталась в густых ветвях и закуковала кукушкой:

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

— Слышишь, работник, — закричал фермер, — кукушка кукует. Вот и год прошел. Давай, рассчитаемся, как условились, да и иди куда хочешь.

А Елена на дереве все кукует и кукует:

— Ку-ку, ку-ку!

— Что за чудная птица, как хорошо поет, — сказал Коранда. — Никогда я кукушек не видывал, дай-ка взгляну, какая она из себя.

С этими словами он подошел к дереву, да как потряхнет его изо всей силы. Елена и свалилась с самой верхушки вниз. Хорошо

еще — под деревом солома лежала, а то бы расшиблась насмерть

— Злодей, — закричал фермер, — ты мою дочь чуть не убил!

— А что, хозяин, никак вы рассердились? Фермер от злости и себя не помнит.

— Убирайся вон, — кричит, — чтобы глаза мои тебя не видели! Негодяй, злодей!

— Уйти-то я уйду, только раньше сбрею вам бровь. От своих слов, хозяин, не отказываются, — говорит Коранда и вытаскивает из кармана бритву.

Испугался фермер, лицо руками закрыл.

— Спрячь, спрячь бритву поскорее, — кричит, — возьми какой хочешь с меня выкуп.

— Ладно, — отвечает Коранда. — Что дадите?

— Возьми десять овец.

— Не возьму.

— Возьми пару быков.

— Не возьму.

— Возьми десять коров.

— Не возьму. Уж лучше срежу вам бровь.

— Да что же ты, наконец, хочешь? — рассердился фермер.

— Дочку вашу хочу, отдайте ее за меня замуж.

— Мою дочь! Ни за что на свете! Да она и сама за тебя не пойдет!

— Нет, пойду, — сказала Елена. — Сколько юношей приходили сюда, всех ты перехитрил, отец. Один Коранда своего добился. Такой-то мне муж и нужен. А тебе, Коранда, вот что скажу: какой был у тебя с отцом уговор, такой пусть и между нами останется — кто из нас первый рассердится, тому и брови долой. Согласен?

— Согласен, — говорит Коранда.

— Ну, если жених с невестой во всем согласны, так и со свадьбой нечего тянуть.

И веселая же свадьба была! Коранда всех студентов, что у фермера в батраках побывали, на свадьбу пригласил. К тому времени у них брови поотросли, и они свои береты с радостью на самый затылок сдвинули.

А Коранда с женой до самой смерти жили дружно и мирно. И брови их остались целыми.

Обработала Н. Войтинская

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Ноябрь

19 ноября 1711 г. Родился великий русский ученый, писатель и поэт М. В. Ломоносов, много потрудившийся и в области географического изучения России.

20 ноября 1497 г. Знаменитый португальский мореплаватель Васко да Гама в поисках морского пути в Индию обогнул мыс Доброй Надежды.

24 ноября 1642 г. Знаменитый голландский мореплаватель Абель Тасман открыл землю, оказавшуюся впоследствии островом, который назвали Тасманией.

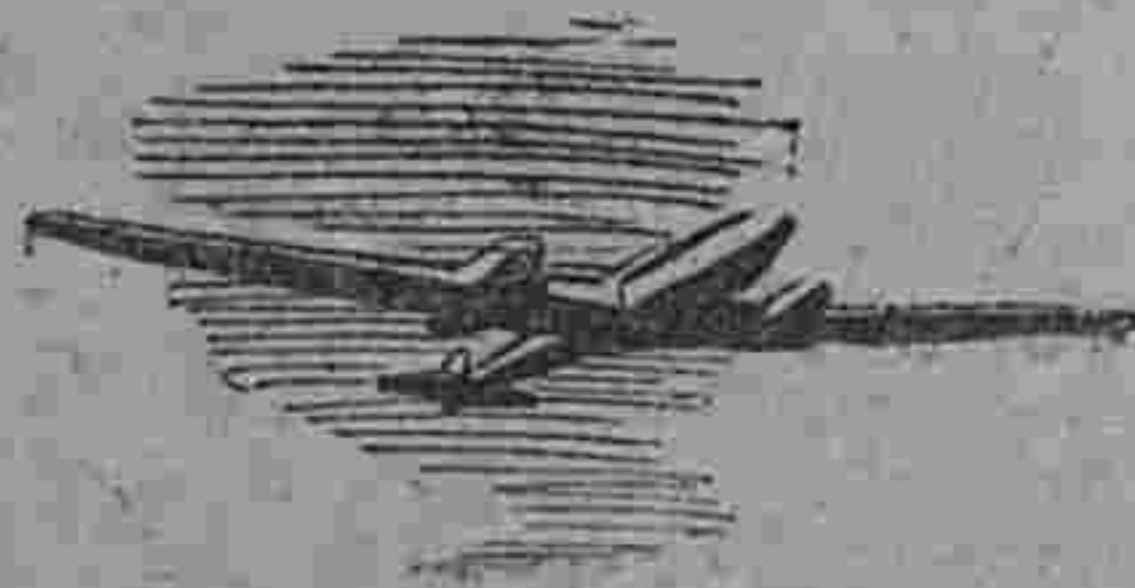
Что читать об этих событиях

Аусвейт, Л. Как открывали земной шар. Детиздат, М.-Л., 1939 (статьи о Васко да Гама и Тасмане).

„Г л о б у с“ — географический ежегодник для детей на 1938 год, Детиздат, М.-Л., 1938 (статьи: „М. В. Ломоносов“ и к столетию плавания Дарвина на корабле „Бигль“).

Г. Шторм — Ломоносов, М. Жизнь замечательных людей. Жургазобъединение. 1937 г.

Ис. Слоним

Из прошлого
нашего города

СМОЛЬНЫЙ

И. Иволгин

Давно, при Петре I здесь хранились огромные запасы смолы — они были необходимы для просмолки строящихся кораблей. Поэтому место это стали называть „Смоляной двор“. И этот двор просуществовал несколько десятков лет. Но все здесь изменилось, когда знаменитый архитектор Бартоломео Растрелли построил на месте Смоляного двора пышный монастырь с величественной пятиглавой церковью. А немного позже, рядом с монастырем был построен по планам архитектора Джакомо Кваренги институт для благородных девиц — первое в России женское учебное заведение. Институтки воспитывались, как в монастыре. К ним никого не допускали, они почти никогда за годы учения не покидали Смольного.

Но в 1917 году у Смольного началась другая, революционная история. В один из августовских дней в Смольный вошел отряд красногвардейцев — вооруженных рабочих. Командир отряда объявил, что здание института занимают большевики, и в Смольном будут размещены революционные организации.

Выбор этот был не случайным, Смольный расположен у Невы, недалеко рабочий район Охта, поблизости казармы.

На дверях комнат, где еще белели эмалированные дощечки с надписями „классная дама“, „учительская“ — свидетели прежней жизни — появились новые: „Петроградский совет“, „Союз солдат социалистов“, „Бюро иностранных дел“. Сразу людно и шумно

стало в длинных, еще недавно пустынных коридорах. Это революция вошла в Смольный! Все комнаты, а их в Смольном больше ста, были заполнены людьми. Но особенно много народу направлялось в комнату № 18, где помещались большевики. Всем солдатам и рабочим хотелось узнать, что надо делать. Положение было напряженное. Царь был свергнут, но правительство Керенского, несмотря на обещание, не прекращало войны; земля попрежнему оставалась в руках помещиков, заводы и фабрики — у капиталистов. Большевиков преследовали. Ленину приходилось скрываться в Разливе.

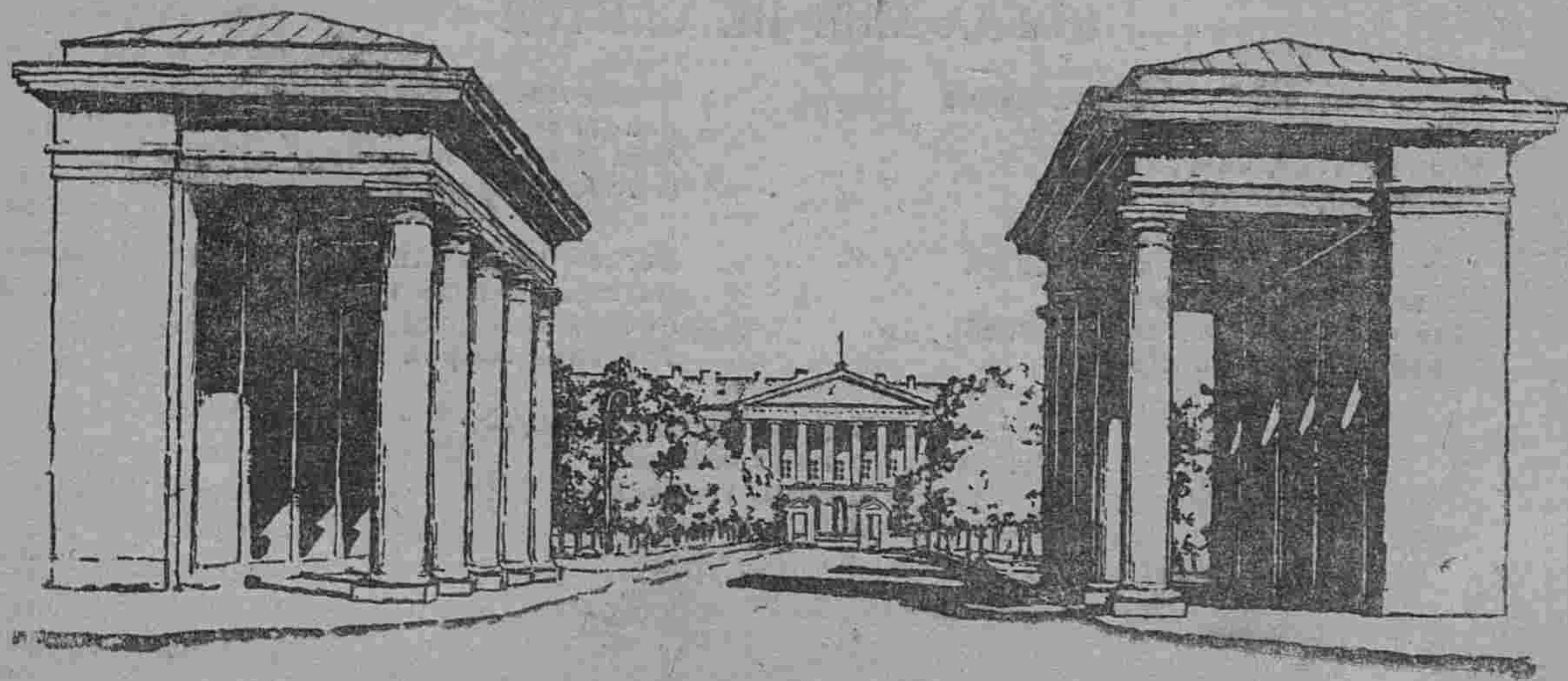
У ворот Смольного стояла двойная цепь часовых. Они внимательно просматривали у входивших документы. Часто здесь можно было видеть худощавого, черноусого человека, одетого в кожаную куртку. Когда он протягивал часовым свои документы, они неизменно говорили:

— Проходите, товарищ Сталин, мы вас знаем!

Осенью жизнь Смольного сделалась еще напряженнее. Сюда еще больше приходило рабочих и солдат.

Народ стал понимать, что Временное правительство обманывает его, что пришла пора взяться за оружие и свергнуть министров-капиталистов, как свергли царя.

Большевики хорошо знали настроения рабочих и солдат, и Владимир Ильич из подполья стал руководить подготовкой к вос-

станию. Товарищ Сталин выполнял его указания.

Так Смольный сделался штабом Великой Октябрьской социалистической революции.

Отсюда из Смольного уезжали преданные делу революции люди в Донбасс, на Урал, в Кронштадт и другие места, чтобы и там поднять восстание.

Наконец, наступил долгожданный решающий день — по старому стилю 24 октября.

Большевистская газета „Рабочий путь“ вышла с призывом свергнуть Временное правительство. К Смольному двинулись отряды солдат и рабочих.

В этот день в огромных коридорах и на просторном дворе Смольного стало тесно. Здесь толпились солдаты, вооруженные рабочие, и неустрашимые балтийские матросы, опоясанные пулеметными лентами. Те, у кого не было оружия, тут же получали винтовки или револьверы.

Ночью в Смольный прибыл сам Владимир Ильич и принял руководство восстанием.

Эта радостная весть сразу облетела рабочих и солдат.

На следующий день, 25 октября, революционные войска и Красная гвардия заняли вокзалы, почту, телеграф, министерства и государственный банк. В Смольном открылся Второй Всероссийский съезд Советов. В актовом зале, где раньше устраивались институтские балы, собрались теперь представители полков, заводов и волостей. Эти люди первыми услышали замечательные слова Владимира Ильича о том, что Временное правительство свергнуто, что власть отныне принадлежит трудящимся, что собственность на землю отменяется, и что война будет прекращена.

Здесь же в Смольном, на съезде Советов

было сформировано первое в мире Советское правительство — Совет народных комиссаров; председателем его был избран Владимир Ильич Ленин.

В 1918 году, когда Советское правительство переехало в Москву, Смольный стал штабом ленинградских большевиков...

Это в Смольном работал Сергей Миронович Киров, верный соратник товарища Сталина. Он много отдал сил и труда, чтобы сделать Ленинград благоустроенным городом, чтобы развить его промышленность.

Здесь, в его кабинете, на письменном столе лежали образцы путиловской стали, хибинских апатитов, северной пшеницы, кондопожской бумаги, псковского льна... Отсюда Киров руководил строительством советского Севера, отсюда направлял работу всей ленинградской области и Ленинграда.

Это отсюда, из Смольного, комитет партии, возглавляемый товарищем Ждановым, в годы Великой Отечественной войны руководил героической обороной осажденного Ленинграда.

Величественно красиво строгое здание Смольного. Над ним всегда реет победоносное Красное знамя, водруженное в славные дни Великой Октябрьской социалистической революции.

До самой ночи светятся огнями окна Смольного. И когда поздно вечером раздается звонок телефона, прямым проводом соединяющего Смольный с Кремлем, секретарь ленинградского комитета партии товарищ Кузнецов радостно здоровается с товарищем Сталиным и рассказывает ему сжато и точно о том, как настойчиво и самоотверженно работают ленинградцы, осуществляя великие планы восстановления родного города.

КОГДА МНЕ НЕ СПИТСЯ

Когда мне не спится в землянке
На лапках пахучей хвои, —
Я вижу тебя, северянка,
Глаза озорные твои.

Когда мне в палатке не спится
На жарком бараньем меху, —
Мне кажется: сказочной птицей
К тебе прилететь я могу.

Когда мне без писем не спится, —
Ты настрою маме снажи:
— Куда его, мама, годится...
Бери карандаш и пиши!

Когда мне не спится при вспышках
Ракет, что горят на лету, —
Мне кажется плюшевый Мишка
С тобою играет в лапу.

Когда мне не спится в машине,
Летающей сквозь ночи и дни, —
Ручонкой вослед помаши мне,
Глазенки закрой и усни.

Б. Шмидт

Афонькин и медведь

Всеволод Воеводин

Рис. Н. Муратова

Село Чургора расположено в лесной и болотистой местности. Кино-передвижка, за все то время как на свете существует кино, заезжала в Чургору раза четыре, лекторы и докладчики немногим больше. Словом, очень глухое место Чургора.

Вдруг в первых числах июля прибыл лектор. Председатель колхоза Миронов послал своих ребят по дворам всех оповестить о предстоящем докладе.

— Главное, — сказал он Ваське, — обеспечишь явку Афонькина. Товарищ прибыл — ого-го! Подкованный!

Афонькин — это был строптивый и дерзкий на язык старик. Он категорически не соглашался с наукой по вопросу о происхождении человека естественным путем и утверждал, что бог есть. Поспорить об этом было для него самое любезное дело.

Когда Васька передал Афонькину приглашение, тот зевнул.

— Нет, — сказал он, — не интересуюсь. Ничего нового он мне не скажет, ваш лектор. Лучше я пойду перемет ставить, благо бог дал такую погоду.

Хитрый старик! Это он сам про себя знал, что если пойдет на доклад, то непременно впутается в дискуссию, а лектор его переспорит. А бога он вспомнил нарочно, чтобы досадить Ваське.

— Бох! Бох! — передразнил его Васька. — Я тебе говорю, дед: у этого лектора одних наглядных пособий вот такая охапка. Еле донес. И тезисов к докладу двадцать восемь страниц. Часа, наверное, три докладывать будет.

— А по мне хоть десять, — сказал Афонькин. — Не интересуюсь. Бог с ними, с тезисами.

Так он и не пошел на лекцию о происхождении человека и всяческой жизни на земле. А лектор докладывал часа полтора, и все были очень довольны. Потом он отправился дальше, пешком с мешочком за плечами, так как к ночи непременно хотел попасть в соседний сельсовет.

К ночи из соседнего сельсовета вдруг позвонили по телефону. Оказалось, что лектор забыл в избе у Миронова свои наглядные пособия и тезисы про человека.

— Ну что ж, — сказал Ваське отец. — Придется тебе отмахать двадцать восемь километров — больше никому.

— На ночь глядя я не пушу мальчишку в лес! — крикнула мать. — Один военный шофер проезжал на днях на полуторке, говорит, у моста ему медведь вышел навстречу. Медведь рычит, машина гудит, еле-еле, говорит, спровадил гудками зверя шалого. Да и пути Васька не знает.

— Ну, что ж, — сказал отец. — Придется тогда Афонькина нарядить в Замошье. (Замошье, это и был соседний сельсовет, откуда звонили по телефону).

Однако Афонькин так ответил председателю: — Все, что по хозяйству — с удовольствием. А быть у вашего лектора на побегушках не моя обязанность. И поскольку я вообще с ним не согласен, то даже противно моей совести таскать его писанину на своем горбе.

— Ты, борода, не ерпенься, а слушай, — строго сказал Миронов, — тезисы и пособия понесет мой Васька. Ты его только проводи через лес.

— Это, — сказал Афонькин, — совсем другое дело. Почему не проводить паренька? С удовольствием провожу. Сейчас и пойдем. Заря нынче, слава богу, всю ночь стоит.

И стал натягивать сапоги.

Солнце давно уже село, когда Васька с Афонькиным вышли из деревни. Ясная заря в полнеба стояла над лесом. Каждый сучок, каждая еловая макушка отчетливо рисовалась в небе, светлынь была такая, что хоть газету читай.

Дед шагал налегке, Васька нес подмышкой тезисы и пособия, то-есть всякие плакаты и картинки, свернутые в трубочку. Они шли, не спеша, и на ходу вели между собой научные споры. Васька, например, пытался втолковать

старика из каких газов состоит воздух, и почему же все-таки они, вот, идут ночными полями и лесами, видят вокруг себя всю эту благодать, рассуждают и чувствуют, хотя никакой души внутри их нет, а все это исключительно работа головного мозга. Насчет газов Афонькин не возражал, однако в работе головного мозга сомневался. Ваську просто злость брала на него. Бох! Дух! Бох! Дух! Заладил свое, борода, и ни с места!

Так они прошагали полпути до Замошья, свернули на тропу и углубились в лес.

Признаться, не по себе было Ваське в лесу. Он уже перестал толковать про азот, водород, кислород, а все больше поглядывал по сторонам, в темную и недобрую лесную чащу.

Вскоре тропа привела их на прогалинку.

— Дед! — ахнул Васька. — Гляди! Медвежонок!

В самом деле, это был медвежонок — маленький, ростом с годовалого щенка. Он прыгал около Васьки и все поддавал его лапкой, точно просил: „Ну, поиграй же со мной! Экий ты, братец, неповоротливый!“

— Ах ты, зверь дикий! — сказал Васька, присаживаясь на корточки. — Да какой же ты хороший!

Он перевернул медвежонок брюхом вверх и давай его тормошить. Афонькин тоже присел на корточки рядом с ними и вытащил из кармана газету, кисет и спички.

— От матери, видать, отбился, — сказал он. — Вы побалуйте, а я перекурю пока.

Но не успел он закурить, как на другой стороне прогалинки что-то рывкнуло, да так, что, казалось, лес дрогнул. Афонькин и Васька вскочили, и у них в глазах стало темно.

Огромная медведица надвигалась на них. Шерсть у нее на горбе стояла дыбом, как елки на косогоре. И еще два медвежонок вприпрыжку бежали за ней, весело кувыркаясь на бегу и наскакивая друг на друга.

— Дед! — кричит Васька. — Прыгай на дерево!

А поблизости и деревьев нет. До ближайшей елки шагов тридцать. Легко сказать — прыгай!

— Господи! — стонет Афонькин. — Медведица с медвежатами! Она из-за этого медвежонок в куски нас разорвет. Читай молитву, дурень!

— Какую молитву? Бежим!

— Стой, не беги! — вопит Афонькин. — Она еще злей, если от нее бежать. „Отче наш“ читай — одно спасенье.

В это время медвежонок почувал мать и опрометью кинулся ей навстречу. Медведица остановилась. Она угостила баловника хорошей затрещиной, от которой тот жалобно заскулил, дескать, знай с кем играть, щенок этакий — ко всяким проходимцам не суйся! И, хмуро взглянув на Ваську с Афонькиным, затрусил обратно на другую сторону прогалинки.

— Ну, — шопотом сказал Афонькин, — теперь бери ноги в руки.

На цыпочках они зашагали к лесу. А медвежонок, тот самый или его братишка, заметил, что они крадутся к лесу и — вдогонку. Он, видно, решил, что они хотят с ним поиграть в прятки.

— Дед! — чуть не плачет Васька. — Он опять хватает меня за пятки! Он кусается! Дед!..

— Отче наш! — причитает Афонькин, а уж медведица опять рычит.

Дед чиркает спичку о коробок, чиркает и все никак не может зажечь, до того трясутся руки. Наконец зажег и подпалил газету, которую приготовил, чтобы закурить. И вовремя, потому что медведица была уже ря-

дом с ними, и обдавала их своим горячим дыханием.

Яркое пламя ослепило зверя. С ревом медведица попятилась, перепуганные медвежата со всех ног принялись улепетывать на другую сторону прогалинки.

Ни минуты не теряя, Афонькин ухватил Ваську за рукав и — к лесу. Но только они шагнули к лесу, как позади опять рев и топот, и опять медведица идет на них. Не понимает, глупое животное, что они хотят оставить ее в покое, только и всего.

— Дед, зажигай газету! — орет Васька.

— Какую газету? — рыдает Афонькин. — Всю сжег! Давай, что у тебя там под мышкой.

— Да ведь это наглядные пособия и тезисы, разве можно их жечь? Лектор нам за них голову снимет.

— Пусть лучше лектор голову снимет, — хрипит Афонькин, — чем медведица! Давай сюда пособия.

Прямо в звериную пасть ткнул он пылающую бумагу, и зверь опять щелкнул клыками, присел, попятился и отступил от них.

Сгорели пособия. Васька дрожащим голосом бормочет, что остались только тезисы о происхождении человека, и что медвежонок опять хватает его за пятки.

— Давай сюда тезисы! — кричит Афонькин.

Сожгли тезисы, отбились от зверя. Высоко поднялась заря, порозовели верхушки леса. В последний раз рывкнула медведица на Ваську с Афонькиным и вдруг шлепнула лапой своих медвежат, дескать, побаловались, пора и честь знать, и заковыляла к лесу.

Ни живы, ни мертвы сдвинулись с места Васька и Афонькин. Шагнут и прислушаются: нет, никто на них не рычит. Тишина вокруг. Только пичужки какие-то чирикают, встречая утро...

В Замошинском сельсовете все так и ахнули, когда они ввалились к председателю. Лица не было на них обоих. А лектор, тот прямо за голову схватился, когда узнал о том, что произошло. Как же он будет докладывать, если погиб весь его научный багаж?

Но доклад все-таки состоялся, и что самое удивительное — в первом ряду сидел Афонькин. Лектор рассказал замошинцам, как появился на земле царь природы — человек, и как он от каменного топора своим умом дошел до нынешнего высокого состояния. Потом он спросил:

— Может, у кого есть вопросы, товарищи? Может, кто хочет возразить?

И первым с места поднялся Афонькин. Но не успел он разинуть рот, как Васька бросился за ним на трибуну и, прямо как медвежонок, запрыгал вокруг него.

— Не имеет он права возражать! — крикнул Васька. — Он весь доклад проспал и ни одного слова не слышал, — я с ним рядом сидел.

Однако Афонькин помотал бородкой и сказал:

— Что мне бог? Когда на меня медведь напирал, бог мне на волос не помог, сколько я к нему не адресовался. И кабы не тезисы, не уйти бы нам от медведя. Только тезисами и отбились. Так что я теперь беру назад все свои слова и присоединяюсь к докладчику.

Все закричали: „Правильно, дед! Вот молодец!“ — и захлопали в ладоши. А лектор развел руками и забормотал:

— Позвольте, товарищи, так нельзя. Что это значит: „Кабы не тезисы, не отбиться бы нам от медведя?“ Это совсем не научный подход к вопросу.

— Ах, да перестаньте, пожалуйста, — шопотом сказал Васька, дергая лектора за пиджак. — Главное, что старик с места сдвинулся, а дальше уж само пойдет!

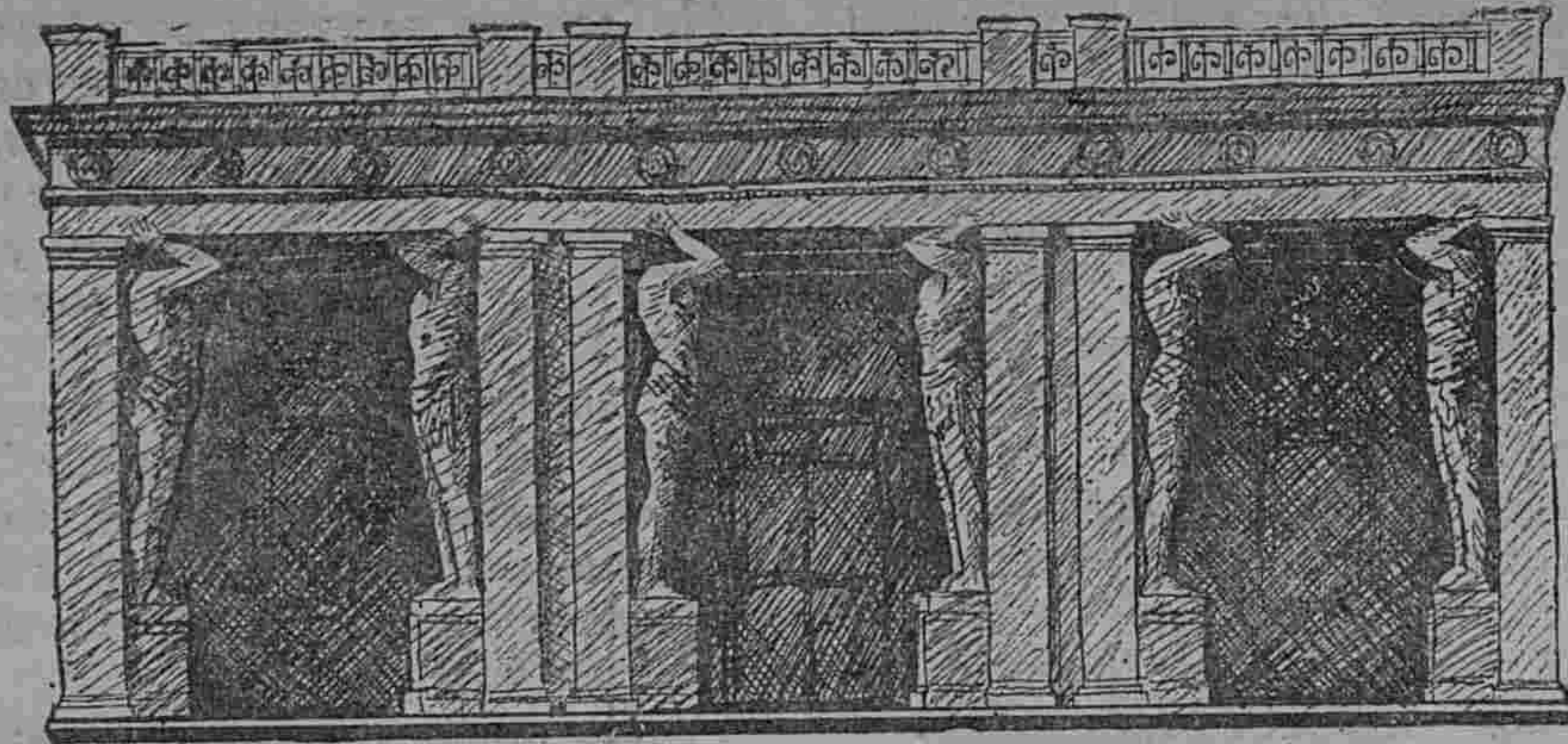
И в самом деле, после этого случая Афонькин сам на себя стал непохож. Осенью поехал в район на курсы садоводов и такие чудеса стал вытворять в колхозном саду, что все нарадоваться на него не могли. И уж он не говорил теперь: „Бог дал“, а совсем, совсем другое. „Человек от природы произошел“, говорил он, — „он природе единовластный хозяин. И в основе всего — работа головного мозга. С этим тезисом не то, что от медведя — от любой беды отобьется человек“.

ТЕРЕМОК

Е. Трутнева

Чей ты, терем-теремок?
Кто тебя построить смог? —
Не четыре, а одна
В этом тереме стена.
И не заперт на замок

Этот терем-теремок.
Нет ни окон, ни крыльца,
Ни начала, ни конца, —
В этом доме-паутинке
Паучок на серединке.

Э Р М И Т А Ж

А. Свиндлер

На Дворцовой площади находится великолепная постройка архитектора Растрелли — Зимний Дворец.

Войдите внутрь, поднимитесь по мраморной лестнице, и перед вами откроется мир самых необыкновенных стран и вещей.

Египет, Вавилон, Греция, Византия... Подумайте, этот полуистлевший обрывок пергамента „Повесть о потерпевшем кораблекрушение“ — четыре тысячи лет тому назад держал в руках древний египтянин. А эта амфора была наполнена благоуханным вином в доме афинского гражданина.

Вы переходите из зала в зал и совершаете, сами того не замечая, удивительное путешествие. Вы только что побывали в античном Риме, теперь перенеслись в средневековье, где, сверкая доспехами, как живые, стоят рыцари, потом посетили Италию эпохи Возрождения. Наконец, вы в России, и перед вами поле Бородинского сражения. Оно было бы совсем как настоящее, если бы не такое маленькое! На стенах — портреты героев Отечественной войны 1812 года. Другой зал — выставка, посвященная великому полководцу Кутузову.

Маршрут в двадцать два километра тянется вдоль полутора тысяч комнат, занимающих площадь в шесть гектаров. Каких коллекций здесь только нет! Фарфор, веера, монеты, керамика, табакерки...

Но самая замечательная коллекция — это знаменитая, одна из лучших в мире, картинная галерея. В противоположность Русскому музею, в Эрмитаже собраны картины

только иностранных мастеров. Но живопись тем и замечательна, что она понятна всем и каждому, независимо от того на каком языке говорит человек.

Вы можете любоваться здесь прекрасными произведениями таких великих художников как Рубенс и Тициан, Рембрандт и Ван-Дейк, Рафаэль и Леонардо да-Винчи.

Из здания Зимнего Дворца вы незаметно переходите по висячему коридору в другое здание, оттуда — в третье. Четыре здания занимает один из величайших музеев мира — Государственный Эрмитаж.

Слово „эрмитаж“ означает пустынное убежище, место уединения. Так и было в царствование Екатерины II: в пристройку при Зимнем Дворце, предназначенную для вечеров, маскарадов и концертов, собирались только приближенные императрицы.

У входа висели шуточные правила, по которым приглашенным предлагалось забывать законы этикета, но зато требовалось „быть веселым, однако ничего не портить и не ломать, и ничего не грызть. Говорить умеренно и не очень громко, дабы у прочих, тамо находящихся, уши или головы не заболели“. А самое главное: „ссоры из избы не выносить, а что войдет в одно ухо, то бы вы-

шло в другое, прежде нежели выступят из дверей.“

Желая прослыть покровительницей просвещения и искусств, Екатерина II скупала за границей картины, скульптуру, фарфор. Эрмитаж превращался в первоклассное хранилище произведений искусства.

Здание Эрмитажа уже не могло вместить всего, что было собрано. Пришлось пристроить еще одно здание — третье после Зимнего Дворца и, кроме того, Эрмитажный театр. Были построены и выставочные залы „Нового Эрмитажа“ со входом с Миллионной улицы (ныне улицы Халтурина). Вход этот украшен десятью фигурами Атлантов, высеченных из гранита.

Однако посещать Эрмитаж могли только придворные и знатные иностранцы.

Картины отбирали специалисты — знатоки живописи. Но иногда в их работу вмешивался и царь Николай I. Правда, его помощь была медвежьей услугой. Например, чудесную статую Вольтера, работы скульптора Гудона, Николай приказал просто выкинуть. Ее продали за сто рублей, а в следующем году Николай понял, какую он совершил оплошность, и предложил за нее уже пятьдесят тысяч рублей.

С 1863 года первый директор Эрмитажа Геденов сделал для музея много ценных приобретений. В Италии, например, он купил прекрасную античную статую Морской Венеры; ее нашли в винограднике при рытье погреба. Он же приобрел для Эрмитажа две картины величайших мастеров итальянского Возрождения — „Мадонну Конестабиле“ Рафаэля и „Мадонну Литта“ Леонардо - да - Винчи.

Мало-помалу, в Эрмитаж начали допускать посетителей. Но являться нужно было обязательно во фраках или военных мундирах. Понятно, что попасть в Эрмитаж могли не все: даже многие русские художники не могли осмотреть выдающиеся памятники искусства.

Писатель Григорович, вспоминая об Эрмитаже, пишет, что „вход туда сопрягался с такими затруднениями, что даже многие жители Петербурга редко там бывали“.

Только после Великой Октябрьской социалистической револю-

ции Эрмитаж открыли для трудящихся. В советское время Эрмитажу передали помещения Зимнего Дворца, и многие коллекции частных собраний — около миллиона выдающихся произведений искусства и культуры дополнили блестящие собрания старого Эрмитажа, насчитывавшие около шестисот тысяч вещей.

Эрмитаж стал единственным в мире музеем, где произведения искусства расположены в строгом соответствии с историей человеческого общества. Доклассовое общество, античный мир, древний и современный Восток, западноевропейские народы, — десятки веков, сотни национальностей предстают перед нами в замечательных произведениях человеческих рук. Прекрасные, запоминающиеся вещи Эрмитажа — это огромная помощь в изучении истории.

Все четыре года Великой Отечественной войны Эрмитаж был закрыт, а его сокровища были увезены из Ленинграда.

И вот — Эрмитаж открыт вновь. Тысячи ленинградцев переходят Дворцовую площадь, чтобы посетить свой замечательный музей. Окрашенное в зеленый цвет, поблескивающее зеркальными стеклами, здание Зимнего кажется нам наряднее чем раньше. Гранитные Атланты у подъезда стоят, как прежде. Но над одним из них — следы свежей штукатурки: при варварских обстрелах города фашисты не щадили и Эрмитажа.

И вот мы внутри. Теперь пройдем по залам античной скульптуры и вдоль картинной галлерей, вспомним самую древнюю в мире надпись, высеченную пять с половиной тысяч лет назад на каменной таблице. Может быть вас интересуют часы в виде золотого павлина? Тогда пройдемте в Мавританский зал, а если вы никогда не видали бронзового котла, весомого две тонны — вам необходимо посетить отдел Востока. Здесь собраны чудесные вещи — они учат нас уважать труд и мастерство, и любить прекрасное.

О ТВОЕМ ПИОНЕРСКОМ ГАЛСТУКЕ

К. Николаева

Иной раз приходится слышать о таких фактах, что невольно думаешь: „а может быть, ребята плохо понимают, что значит этот алый треугольный галстук, почему его надо носить и как надо к нему относиться“.

Вот, например, такой случай:

Один мальчик (не будем называть его имени) побил девочку. Поступок мерзкий. Но ведь иногда бывает так, что в ссоре кто-нибудь из ребят вскипит от обиды и, не отдавая себе отчета, пустит в ход кулаки. А потом самому стыдно за свой поступок.

Здесь же все было иначе. Этот мальчик все обдумал и принял меры, чтобы потом не стыдиться своего поступка. Что же он сделал?

Он снял с себя пионерский галстук и только после этого побил девочку. Значит, он прекрасно понимал, что хочет совершить нечто плохое, недостойное пионера. Но, может быть, он так рассуждал: без галстука нельзя отдавать пионерский салют, значит, без галстука я как бы и не пионер, и, если я сниму галстук перед тем как драться, честь пионера останется незапятнанной. Но кого может обмануть такое рассуждение? Конечно, никого. Ведь в тот день, когда пионер дает торжественное обещание быть честным, правдивым, дисциплинированным и внимательным к людям, в этот день он надевает в первый раз свой красный пионерский галстук, как знак, что отныне он пионер, что он будет всегда и во всем достоин этого звания.

А вот другой пример:

Один пионер, коллекционирующий марки, увидел у своего товарища интересную марку и попросил продать ее. Тот согласился. Но денег на покупку марки нехватило, и наш коллекционер предложил дать в придачу свой пионерский галстук. Сделка состоялась. Вскоре мальчик достал себе другой красный галстук и считал, что все в порядке.

Но мы смотрим на это дело иначе. Красный галстук, этот знак твоей принадлежности к пионерской организации, не может быть продан или променян. А тот пионер не думал об этом и променял свой пионерский галстук. Это очень нехороший, некрасивый поступок.

Но нам известны и другие факты. И вы все, наверно, знаете о них. Во время войны в районах, временно занятых немцами, дети сохраняли свои пионерские галстуки. Ни страдания, ни угрозы не сломили советских ребят. Красный галстук, который они

носили, рискуя жизнью, скрытно, под рубашкой, напоминал им о том, что они пионеры, о том, что они юные борцы за дело Ленина-Сталина.

Красный галстук пионера — это как бы частица Великого красного знамени Октябрьской социалистической революции. Под сенью этих алых знамен сражалась Красная Армия в Гражданскую войну и побеждала фашистские полчища в дни Великой Отечественной войны. Твой красный галстук — это частица этих овеянных славой знамен.

Вспомните киевского пионера Костю Кравчука, который сберег во время немецкой оккупации два полковых знамени. Когда Киев стал снова советским, Костя вернул бойцам их боевые знамена. Костя понимал, что значит боевое знамя, и знал к чему обязывает его красный галстук пионера.

У пионерского галстука три конца. Это не случайно. Три конца галстука говорят о единении и преемственности трех поколений: большевиков, комсомольцев и пионеров. Большевики — это мужественные, стойкие люди, испытанные защитники Родины, люди, которые привели наш народ к величайшим победам. Такими людьми стремятся стать комсомольцы. Такими должны стать и пионеры. А поэтому теперь, когда ты пионер, ты должен быть им не на словах, а на деле.

Не для парадности дан тебе пионерский галстук, а для того, чтобы напоминать тебе ежедневно о твоем торжественном обещании пионера.

Никто не рождается героем, никто не может похвастать тем, что у него от рождения сильная воля, безупречное чувство чести, стойкость, мужество. Твой красный галстук будет постоянно тебе напоминать о том, что ты должен вырасти настоящим гражданином своей Родины. Твой пионерский галстук — это символ мужества, чести, доблести, и ты должен беречь его.

Ты должен гордиться своим красным галстуком. Если ты пионер, то будь им во всем и всегда: дома, в школе, на улице, в общении с людьми, в любом деле, в любой игре. Будь всегда таким, каким ты обещал быть, вступая в ряды юных ленинцев, будь всегда таким, каким хочешь тебя видеть Родина и Великий Сталин.

В ШКОЛЕ ИМЕНИ ГРИБОЕДОВА

Разные бывают вечера в школах: веселые и шумные, интересные и тихие. И даже скучные, если ребята не умеют их хорошо организовать.

А вот в 203-й школе им. Грибоедова бывают совсем особые вечера. Их можно было бы назвать „Вечерами самых неожиданных встреч“. В этой школе стало уже традицией собираться накануне Октября тем, кто окончил школу с теми, кто учится в ней. В этом году произошла четвертая такая встреча. Двести бывших учащихся школы пришло на вечер. Кто же они? Многие из них офицеры армии и флота, инженеры, врачи, студенты. Возможно, что собралось бы еще больше, но некоторых не пустили дела. Но и они не забыли о сегодняшней встрече. Они прислали в школу поздравительные телеграммы из Москвы, Тбилиси, Свердловска.

Приятно придти в школу бывшим ученикам.

Хорошо пройти по светлым коридорам, заглянуть в классы, где знаком каждый уголок. Постоять над той самой партой, на которой тебе дорог каждый сучок, каждая царапина. Школа все такая же, может быть, только чуточку меньше. Иль это ты сам вырос?

А вот — школьники. Они окружили старых воспитанников и наперебой расспрашивают их, и сами торопятся рассказать о себе. Ведь в школе так много нового: и экзамены на аттестат зрелости, и золотая медаль, и заново оборудованные кабинеты.

У ребят 4 и 5 классов свои дела — тимуровские, и они не прочь рассказать о них. Другие не могут утерпеть, чтобы не поделиться своими заботами — подготовкой к празднику Октября веселого утра.

— Внимание! — сообщает дежурный пионер. — В физкультурном зале — выступление школьников-гимнастов.

Шумной, веселой толпой все устремляются наверх, в большой физкультурный зал.

Бравый морской офицер идет под руку с седой учительницей литературы, о чем-то оживленно беседуя. Молодой инженер, на ходу рисуя в воздухе рукой какие-то сложные чертежи, что-то горячо доказывает преподавателю математики.

На сцене юные спортсмены. Они четко и слажен-

но выполняют сложные групповые упражнения, строят пирамиды. Зрители встречают их дружными аплодисментами.

— Ребята, сыграем в волейбол! — предлагает старый воспитанник Сергей Петров. Он и его жена — прекрасные спортсмены, оба учатся в институте им. Лесгафта.

Быстро организуются две команды. Сергей Петров составляет команду старых воспитанников, Широков — команду учеников. Свисток судьи. Игра началась. Многочисленные болельщики не знают за кого и болеть. Тут нет своих и чужих. Здесь все — свои. Все ученики одной школы.

Вот это игра! Мяч мгновенно перелетает с одной половины поля на другую. Давно не было в этом зале такой напряженной борьбы. Но команда „старичков“ все-таки сильнее. Сергей Петров до плеч выскакивает над сеткой и гасит все трудные мячи. Снова свисток. Игра окончена. Весь зал, даже потерпевшие поражение, аплодируют „старичкам“.

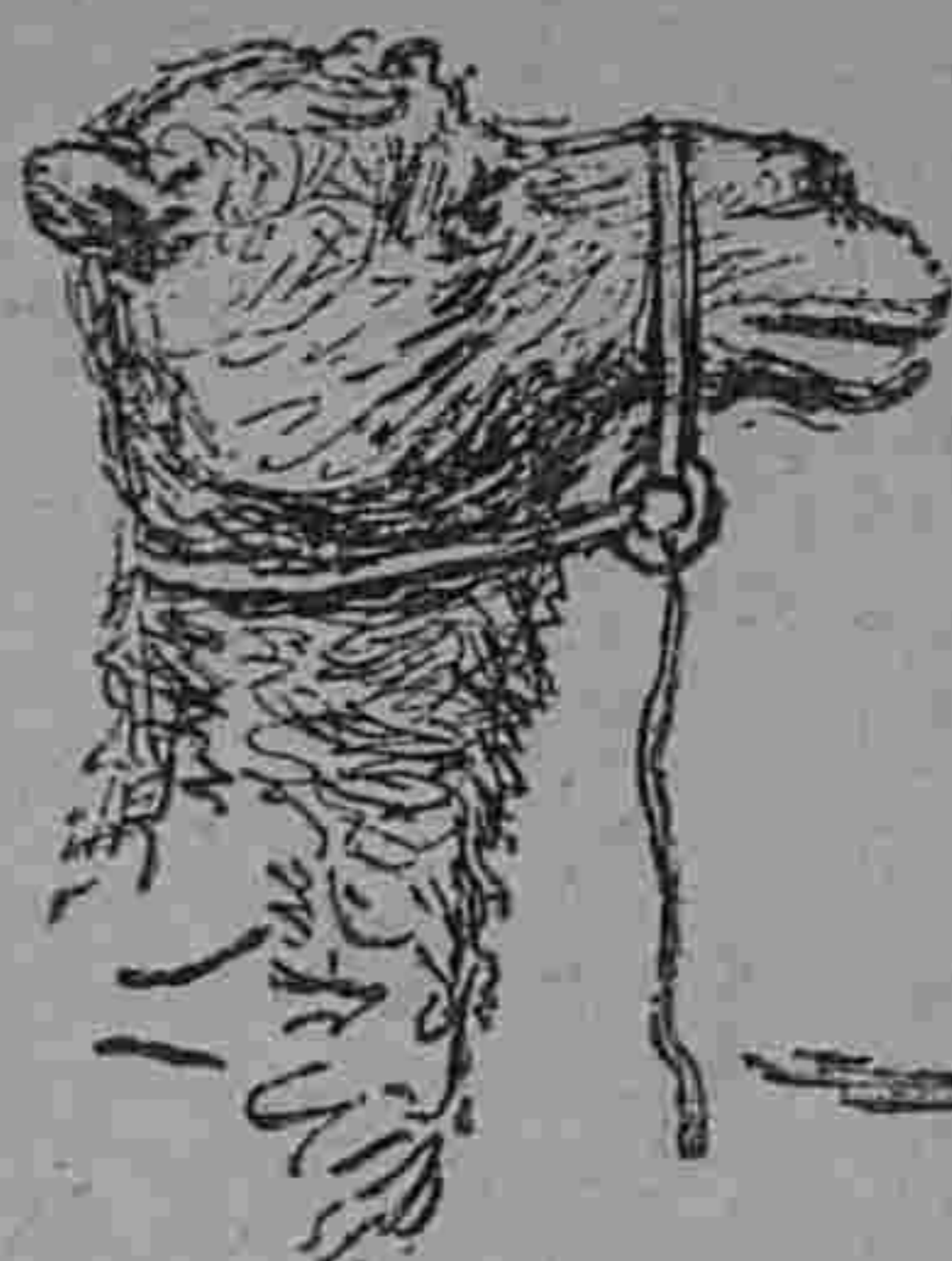
— Надо подтянуться, — говорит Сергей Петров.

— Есты! — отвечает капитан школьной команды. — Следующую встречу мы обязательно у вас выиграем!

Пора уже расходиться, но никому не хочется. Ведь не часто бывают такие интересные встречи. Радостно снова повидать своих педагогов, старых школьных друзей и милых ребят, нынешних учеников. Они, как и ты когда-то, приходят туманными осенними утрами в тот же класс, сидят за теми же партами, боятся опросов, получают пятерки и двойки, дружат и спорят, и с каждым днем незаметно для себя сродняются с этими стенами классов, шумными коридорами, с требовательными учителями, друг с другом, со всем тем, что называется школой.

Все разошлись. В зале и коридорах стало просторно и тихо. И только в кабинете директора все еще горит свет.

Антонина Максимовна, усталая и счастливая, сидит за своим столом и, задумавшись, смотрит за окно, где затихает вечерний город. Мы-то знаем, о чем она думает. Она думает о своих воспитанниках, о своих учениках.

АСТРАХАНСКИЙ СОЛОВЕЙ

Аркадий Минчковский

Рис. В. Кобелев

Мы тогда стояли в песках, под Астраханью. Наши окопы находились неподалеку от единственного полуразрушенного шоссе, ведущего на Элисту.

Кругом на многие километры были пески. Кое-где, между холмами, обманчиво белели соленые, высушенные озера.

Через пески в войну была проложена железная дорога, и по ней днем и ночью, в одну сторону, шли эшелоны. На паровозах, в будках на тендере, на буферах и площадках ехали беженцы.

С утра до позднего вечера нестерпимо грело солнце. Иногда этот зной смешивался с поднятым ветром песком, тогда мы забирались в выкопанные нами в том же песке землянки, закрывали чем могли вход и просиживали тоскливые часы.

К вечеру ветер обязательно стихал. Солнце медленно уходило за холмы, синела степь.

Там, впереди, за холмами, вдоль изрытого шоссе сидели немцы. Иногда мы слышали далекие, доносимые ветром пулеметные очереди и гул артиллерии, а у нас здесь все было тихо, и даже не верилось, что совсем недалеко Сталинград, и там идет страшный, невиданный бой.

Но человек привыкает ко всему. И мы привыкли к тоскливым пескам.

Одни только лошади не могли вынести этого непривычного климата. Беспомощные, с потухшими глазами, как истуканы стояли они по дорогам, или лежали, уже не в силах подняться.

И неизвестно, что мы делали бы, если бы случай не помог нам достать пару великолепных верблюдов.

Раньше мы только издали наблюдали этих странных, загадочных животных. С любопытством смотрели, как медленно, гордо ходят они, далеко выкидывая вперед ноги, и как бы с презрительной улыбкой наблюдая окружающих. И какие только рассказы не ходили об этих верблюдах!

Говорили, что они упрямы, коварны, что они могут долго таить в душе злобу, что они могут не есть и не пить чуть ли не месяц, что они не любят детей и кидаются на них. Словом, говорили столько, что теперь припомнить трудно, хотя бы половину!

Но на самом деле это оказались милые, очень миролюбивые животные. И мы дружно прожили с ними немало времени.

Сложнее всего было запрягать наших верблюдов. Один из них, постарше и посерьезнее, подчинился без сопротивления. Он спокойно поглядывал вокруг, пока наш ездовой возился около него, одевая какие-то сложные кольца, ремни, дышла. Зато другой, — огромный, белый, по-верблюжьему, наверно, очень красивый, явно издевался над нами. Долго бегая по песку трехметровыми шагами, с невероятной для своей нескладной фигуры легкостью он увертывался от ребят. Потом, когда его ловили за веревку, которая всегда болталась на шее, он поднимал дикий, душераздирающий крик, похожий на гудок океанского парохода. Этот крик прекращался только тогда, когда останавливалась повозка, и мгновенно возобновлялся, как только бричка двигалась вновь. За эту музыку прозвали его „астраханским соловьем“.

Верблюды для нас были лучше всяких лимузинов. Просто шутя тащили они под громкие крики „соловья“ бричку через пески, не обращая внимания на непреодолимые для лошадей места. Еще очень далеко едет старшина, а в окопах уже говорят:

— Соловушка песни поет, табак едет.

И действительно, минут через пятнадцать появляется на склоне горы гордый профиль нашего „соловья“.

Но скоро мы узнали, что верблюды не умеют спускаться с горы; что поднимаются с земли они очень забавно — сперва вытянут задние ноги, потом стремительно прыгают... и уже стоят; что если горб высится, значит верблюд жирный, хороший, горб лежит — худой, измученный.

Многие говорили, что верблюды отвратительны, что они безобразные уроды — вечно плюющиеся и кричащие. Но были и такие, что находили походку их гордой, взгляд воинственным, а крик победным. Во всяком случае „соловьем“ нашим восхищались все.

Стоило только пройти кому-нибудь мимо, он обязательно поднимал свою голову и, уставившись на проходящего, провожал его долгим, внимательным взглядом.

Никто не знал, что вскоре нам придется разлучиться с нашим любимцем. А случилось это так.

Однажды, это было в октябре, перед началом нашего наступления, я поехал в штаб. Путь лежал че-

рез горы и холмы, по пескам. Легко, под привычные трели неисправимого „соловья“, покидая из стороны в сторону бричку, протащили меня наши верблюды весь этот унылый путь. Скоро ехали мы обратно, и вот на стыке двух дорог, если вообще можно назвать дорогами следы колес в глубоком песке, увидели мы обычную, хорошо знакомую нам картину.

Две взмыленные, когда-то, видно, хорошие артиллерийские лошади под крики красноармейцев пытались сдвинуть с места маленькую противотанковую пушку. А рядом, тут же, стоял совсем молодой лейтенант, выбившийся из сил и недоумевающий.

Все было напрасно. И дикие крики ездового, и его угрозы, и жалкие потуги людей помочь лошадям.

Как человек, проживший в этих местах несколько месяцев, знал я, что лошадям пришел конец — отсюда их можно только увезти.

Лейтенант, видно, был еще совсем новичком, и, возможно, это было его первое боевое задание. А тут вдруг вот такая неудача. Мне стало жаль этого юношу, и, не долго раздумывая, я велел ездовому выпрячь нашего всесильного „соловья“ и отдать его расчету, а самим двигаться на одном верблюде.

Впряженный в пушку белый верблюд сдвинул ее с места, словно детскую тачку, и пошел на запад, удивленно поглядывая в нашу сторону.

Лейтенант бросился пожимать мне руку, говоря:

— Спасибо, спасибо, товарищ... Придется встретиться — я вам тоже чем-нибудь помогу, — и побежал догонять повеселевший, бодро шагающий под музыку „соловья“, расчет.

Я знал, что двинутся они на передний край, где наши сосредоточивались для удара, и мысленно пожелал успеха юному артиллеристу.

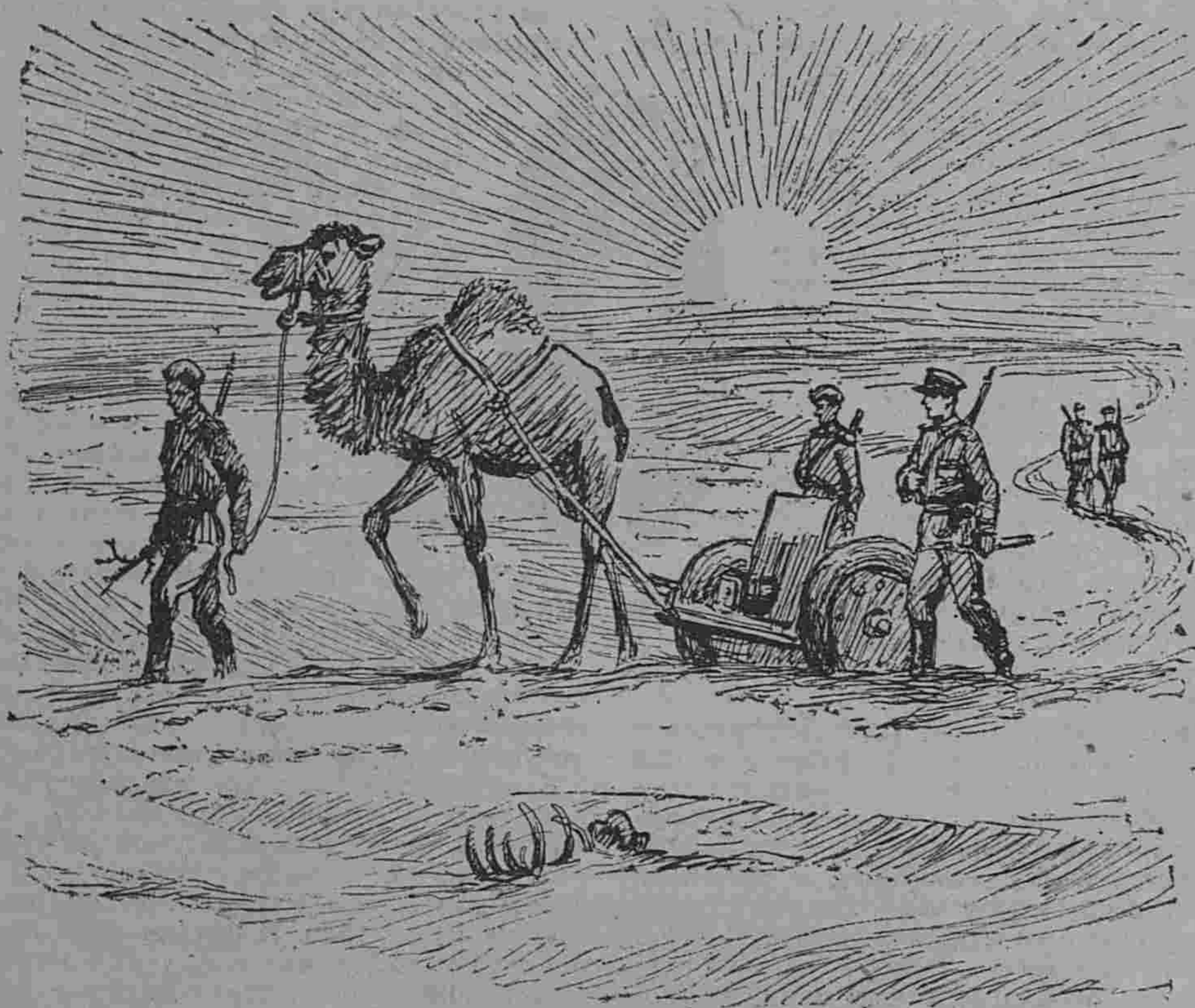
Только по пути я сообразил, что отдать можно было старика, а „соловья“ оставить себе, но было уже поздно...

Мы приехали ночью. Люди спали, и это спасло меня от недоумённых вопросов и взглядов. А на другой день пришел приказ, и мы срочно были переброшены на другой участок, где не было ни песков, ни верблюдов и где скучать было некогда...

Недавно я повстречал одного фронтового приятеля, с которым вместе воевал в песках. Он вернулся из Берлина.

Рассказал он мне, что видел в немецкой столице верблюда. Может быть, это наш астраханский соловей.

— Идет, — говорит, — по главной улице, гордо белую голову поднимает, осматривает разрушения, плюется иногда. И ездовой усатый, со сталинградской медалью. А немцы по тротуарам стоят, удивляются, что это еще за вид вооружения такой. Только не кричит верблюд, но возможно, что и наш поумнел за эти годы и больше не расстраивается по пустякам.

ВЕЩЕСТВО жизни

Л. Савельев

Солнечный прибор

Нужно проделать большую и очень тонкую работу, нужно умело приложить какую-то особенную силу для того, чтобы атомы перестроились, соединились и стали тем, что мы называем веществом жизни.

Такой силы у нас под руками нет. Вернее, она есть, но обращаться с ней мы не умеем. А растения умеют.

Неимоверно огромное и неимоверно горячее сияет бесконечно далеко от нас Солнце. Оно так велико, что если бы Земля попала в него, она утонула бы в нем, как чайника в стакане с чаем. Оно так горячо, что если бы Земля попала в него, она превратилась бы мгновенно в пары, испарилась бы вся без остатка.

Световое море бьет Землю своими волнами, наподобие того, как бьется о берег водяное море. Все, что живет на земле, живет в полосе солнечного приборя, в поисках света. И трудно даже перечислить все, что дает нам сила этого приборя. Солнечный приборя согревает, освещает землю, заставляет испаряться воду и совершает еще одну, очень тонкую работу: перестраивает атомы.

Зеленые растения — это световые электростанции, в них световой приборя используется для перестройки атомов.

Каждый маленький листок, каждый стройный колос, каждая тонкая, качающаяся на ветру, былинка, — это крохотный солнечный ДнепрогЭС. Здесь происходит «сшивание» атомов солнечным лучом.

Какая это кропотливая работа: перестроить десятки тысяч атомов, чтобы получить из них одну молекулу вещества жизни! А один листок успевает сделать за день бесчисленное количество таких молекул. Да, это большой труд.

Так вот что такое вещество жизни: создание Солнца, его светового приборя. Это — концентраты энергии... Никогда не было бы на Земле этих сложнейших, многотысячаатомных молекул-гигантов, если бы не солнечный приборя. Это Солнце соединило между собой непокорные атомы, вложило в каждую молекулу жизни свои силы, свой труд.

Поэтому нам так и нужны эти молекулы, поэтому их нельзя заменить ничем другим.

Ведь жизнь — это непрерывный труд, беспрестанная работа моего тела. Клеточки работают, когда я бодрствую: их общим усилием натягиваются мои мускулы, сгибаются мои руки и ноги. Это они трудятся, посылая по моим нервам токи, когда я думаю, смотрю, слушаю. Настает ночь, я засыпаю. Но мои клеточки бодрствуют: мое сердце стучит, и дыхание не останавливается, и кровь не перестает течь по своему кругу.

Они ведут трудовую жизнь, эти клеточки, расходуют свои силы. И если бы вдруг они обесси-

тели и прекратили все сразу свою работу, это означало бы — смерть. Но если они все время расходуют, тратят силы, то откуда-то они должны эти силы получать.

Как в паровозную топку надо подбрасывать уголь, чтобы паровоз не остановился, как автомобиль надо время от времени заправлять горючим, так клеточкам моего тела надо доставлять все новые и новые запасы сил, энергии.

Как строится вещество жизни

Каждая белковая, сахарная, жировая молекула — это и есть пакет с солнечной энергией. Надо только развернуть этот пакет, и клеточки получают новые силы.

Как же строится вещество жизни? Сначала растение, пользуясь силой солнечных лучей, заставляет несколько сот атомов углерода, кислорода, азота и водорода соединиться в один узор, в одну молекулу. Взять хотя бы историю сахара. Первоначальный узор атомов углерода, кислорода, азота и водорода, так сказать, молекулы сахара первой степени, соединяется в молекулу того сладкого сахара, который хорошо известен всем нам. Молекулы этого сахара второй степени образуют молекулу декстрина — сахара третьей степени. Он уже не сладок. Затем получается новое соединение — крахмал, сахар четвертой степени, тоже не сладкий и не растворяющийся в воде. Именно этот несладкий сахар дают нам колосья ржи и пшеницы. Наконец из этих молекул составляется молекула сахара пятой степени — клетчатки. Из клетчатки состоит, например, древесина.

И вот световая волна, посланная Солнцем, достигла Земли, и тут ее перехватила зеленая силовая станция, направила на нужные атомы, связала их воедино в молекулы вещества жизни. Пройдя через тела растений и животных, эти молекулы дошли, наконец, до меня, стали пищей.

Передо мной на столе куски мяса, и хлеб, и сахар, и яйца. Что же, теперь кончен путь этих молекул, мои клетки могут воспользоваться дарами Солнца и зеленых листьев?

Нет, еще не могут, — присланные молекулы еще слишком велики. Их большая величина создает совсем неожиданное затруднение: их нельзя доставить всем клеточкам моего тела.

Конечно, эти молекулы легко пройдут и пищевод, и желудок, и кишки моего тела. Но ведь потом им придется совершить еще длинный путь, прежде чем они доберутся до каждой отдельной клеточки, составляющей мои мускулы, кожу, сердце, мозг и другие части тела. И вот на этом пути множество перепонок, оболочек и других преград, множество таких узких ходов, через которые большим молекулам никак не пройти.

Таково первое затруднение: молекулы вещества жизни слишком велики. Но есть и другое затруднение. Клеточки, как я уже говорил, не могут есть, они могут только пить. А ведь хлеб, мясо, масло, сахар—это не напитки. В моем теле откладывается другой вид жира, несколько отличающийся по своему атомному узору от того, который я могу съесть. Этот сахар, что лежит на столе, дала сахарная свекловица, но клеточкам нужен другой вид сахара. И белок яйца нужен чуточку измененный.

Словом, мне нужны молекулы белка, сахара, жира, несколько отличающиеся от тех, какие могут

дать растения и животные: молекулы моего особенного, человеческого вещества жизни.

Если я не могу состязаться с растениями в составлении молекул жизни, то мое тело умеет перестраивать их, изменять их атомные узоры. Большие молекулы как бы разрезаются на несколько частей и затем складываются уже по-иному. Получаются, в конце концов, как раз те молекулы, те атомные узоры, какие мне нужны, чтобы накормить все тридцать миллиардов клеток моего тела.

И все это происходит во время длительного путешествия молекул внутри моего тела.

☆

ЛЕНИНГРАДСКИЙ АВТОБУС

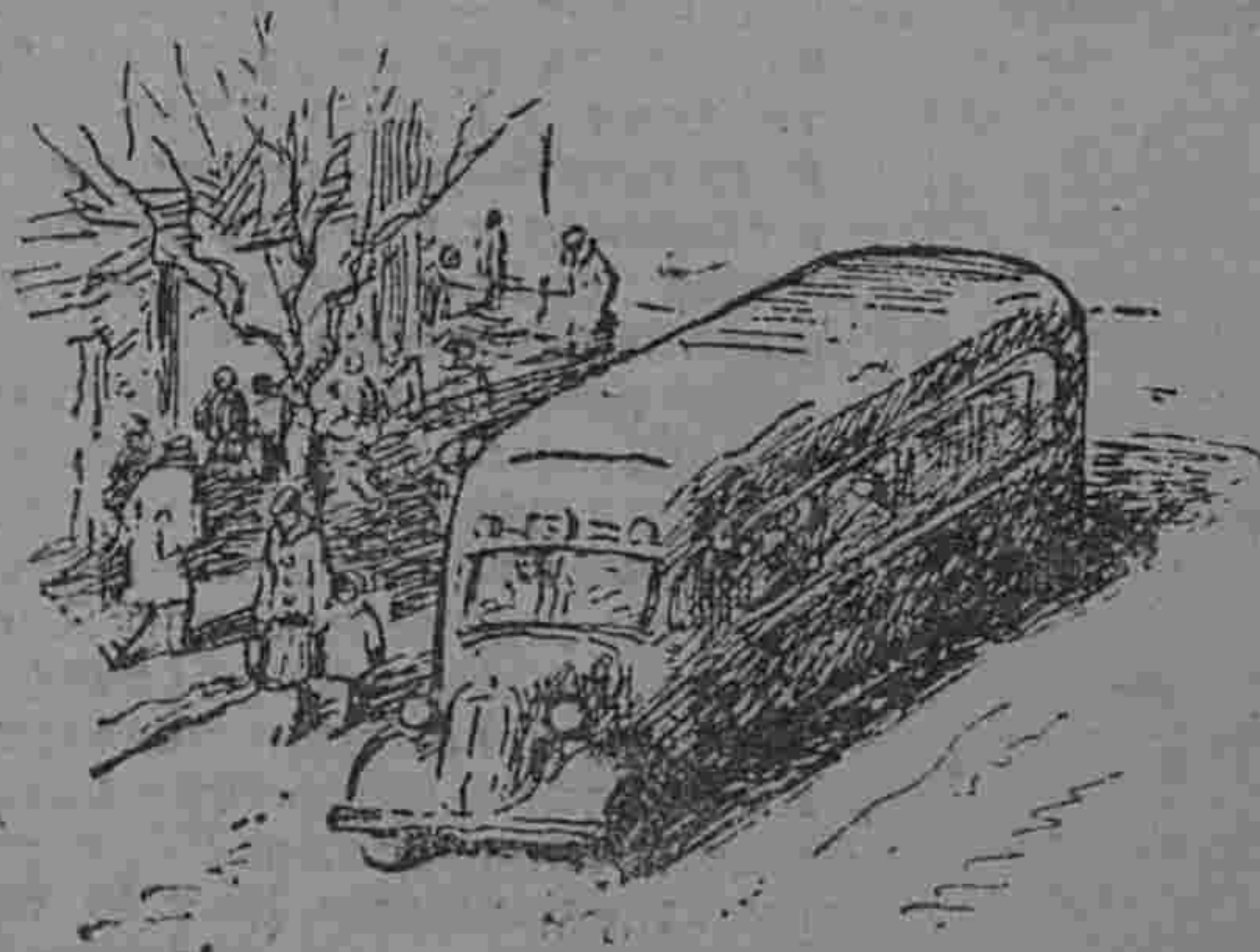
С. Погореловский

Пришел автобус в Ленинград,
Домой вернулся с фронта.
До Будапешта и назад
Прошел он без ремонта.

Нигде в пути не буксовал,
Служил в санбате честно.
Любой подъем одолевал
Автобус краснокрестный.

Попал однажды под обстрел,—
Вот пули след у бака...
Тонул и в Буге и в Днестре,
Но выбрался, однако.

И нынче снова,
Чуть заря,
Он вышел в рейс из парка,

Рис. Н. Кустова

На солнце стеклами горя,
Сверкая лаком ярко.

Всех встречных радуя вокруг,
Бежит по Ленинграду,
Кричит трамваю:
— Здравствуй, друг!
Ты выдержал блокаду!..

Обойм им
Спеши воздать
Почет и уваженье,—
Всегда и всюду соблюдать
Все правила движенья!

У одного заслуг не счесть,
И у другого много...
За это —
Слава им и честь,
Широкая дорога!

Микроскоп из капли воды

Первый микроскоп, пригодный для научных наблюдений, построил в XVII веке голландский ученый-самоучка Левенгук. Его микроскоп состоял всего из одной маленькой линзочки, которая давала увеличение почти в сто раз.

В наше время изготавливают очень сложные микроскопы, состоящие из десяти и больше линз, которые увеличивают более, чем в тысячу раз. Но тот, кто подобно Левенгуку, хочет лишь познакомиться с миром малых существ, увидеть, как двигаются, питаются, растут и делятся крохотные, неразличимые глазом животные, может удовольствоваться более скромным микроскопом, — таким, какой был у Левенгука.

Такой микроскоп нетрудно соорудить своими силами. Но вот достать очень маленькую линзу не всегда удается. Быть может, ее можно чем-нибудь заменить?

Оказывается, можно. Капля воды, так же как и стеклянная линза, преломляет световые лучи и дает увеличенные изображения. Такой микроскоп вы можете сделать сами.

Для этого вам понадобится листочек тонкой белой жести, деревянная катушка и несколько маленьких гвоздиков. Выкройку на чертеже 1 увеличьте в два раза и переведите на жести острым карандашом или иглой, а потом вырежьте ножницами. Просверлите в ней отверстие „а“ в 1½—2 мм в поперечнике. В это отверстие мы поместим нашу „линзочку“ — капельку воды. Изображение будет четким только тогда, когда это отверстие будет совершенно круглым и гладким, а края его будут скошены с обеих сторон (см. чертеж 3).

Такое отверстие нетрудно сделать небольшим сверлышком. Если сверлышка нет — шилом, или толстой иглой проколите

в жести маленькое, в ½ мм отверстие и мелким напильником или мелкой наждачной бумагой удалите все заусеницы. Затем, осторожно вращая иглу двумя пальцами, расширьте немного отверстие. Опять снимите заусеницы и снова чуточку расширьте отверстие, — и т. д.

Скосы на краях отверстия просверлите обыкновенным стальным пером, задний конец которого не закруглен, а имеет форму уголка, как на чертеже 4. Отломите эту часть пера и вставьте ее в ручку, уголком наружу. Осторожно вращая ручку между двумя пальцами, просверлите пером края отверстия с обеих сторон пластинки попеременно, пока они не получат нужную форму. Только не торопитесь, пусть на это уйдет хоть три часа, но зато получите безукоризненно правильное отверстие, от которого целиком будут зависеть качества вашего микроскопа.

Другое отверстие „б“ на широком конце пластинки имеет в поперечнике 5 мм. Изготовить его проще: можно пробить его гвоздем, заусеницы удалить напильником или точильным камнем.

По краям „в“ и „г“ жестиной заготовки продавите бороздки — места сгибов (чертеж 1). Загните края „в“ в одну сторону, а края „г“ — в другую (чертеж 2).

Возьмите небольшую катушку из-под ниток, выкрасьте ее снаружи и изнутри черной акварельной краской или тушью. Тремя маленькими гвоздиками, 5—6 мм длины (или обрубленными булавками), прикрепите жестиновую заготовку к катушке (чертеж 2). Отверстие „б“ в заготовке должно точно совпасть с отверстием в катушке.

По размерам кружка катушки вырежьте из жести кружок. В центре кружка просверлите от-

верстие в 2—3 мм в поперечнике и прикрепите кружок гвоздиками к свободному концу катушки „г“ (чертеж 2).

Из полоски рисовальной бумаги, шириной около 1 см и длиной 30 см, сверните муфточку „е“ вокруг узкой части жестиной заготовки. Не следует туго закручивать бумагу на жести: муфта „е“ должна свободно скользить по жести. Толщина муфты — около 3 мм. Последние обороты бумаги склейте и всю муфту выкрасьте черной краской.

На круглом карандаше выгните длинную часть жестиной заготовки так, чтобы образовалось пружинящее ушко „ж“ (чертеж 2). Отверстия „а“ и „б“ должны точно придти одно под другим, и при передвижении бумажной муфты „е“ расстояние между ними должно изменяться от 3 до 10—12 мм.

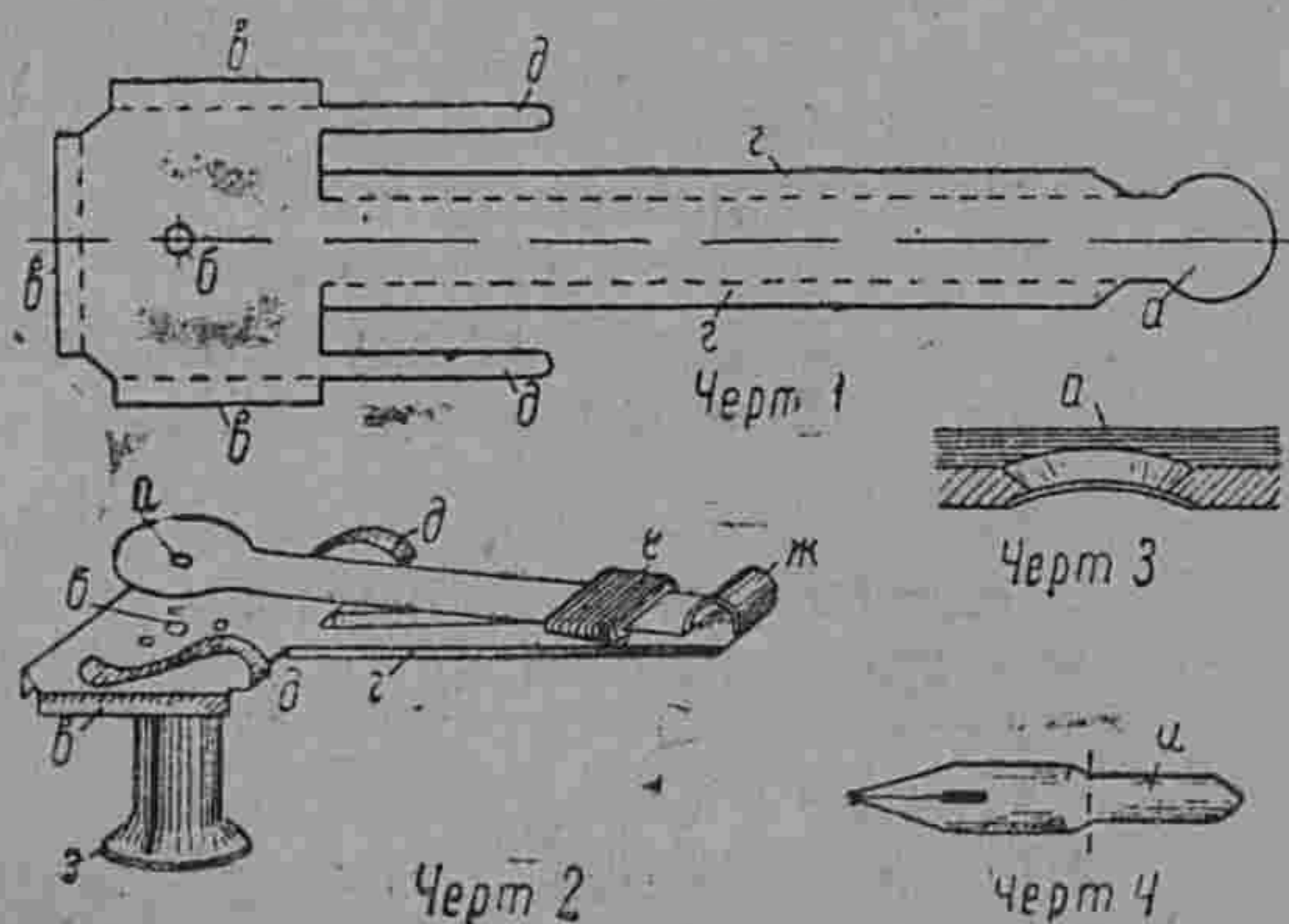
Выступы „д“ (чертеж 1) выгните по форме, указанной на чертеже 2. Они должны немного пружинить. Чтобы придать им упругость, их следует еще до выгибания слегка отковать легкими ударами молоточка.

Микроскоп готов. Теперь на кончик иглы подцепите каплю воды и перенесите ее в отверстие „а“. Капля должна точно поместиться в отверстии „а“ и не растекаться по поверхности жести. Не удастся с первого раза, — протрите жести тряпочкой насухо и попытайтесь снова.

У водяной капли есть один недостаток: ее надо часто менять; быстро высыхая, она становится все более плоской. Поэтому водяную каплю лучше заменить глицериновой — она продержится недели две.

В ваш самодельный микроскоп можно разглядывать крылья, лапки, усики насекомых, пыльцу с крыльев бабочек, цветочную пыльцу, плесень и т. п. Если хотите взглянуть на инфузорий, возьмите воду из застоявшейся лужи и оставьте ее некоторое время в склянке; у вас под рукой всегда будет свежий материал для вашего микроскопа.

Для рассматривания в микроскоп вам понадобятся предметные стеклышки. Их можно заготовить из обломков тонкого оконного стекла 5—6 см длины и около 2 см ширины. На них вы будете класть предмет ваших исследований. Кроме того, придется обзавестись еще и „покровными“ — тончайшими стеклышками 15 x 15 мм (ими покрывают микроскопические предметы сверху). Тонкая, про-

зрачная пластинка слюды (например, от слюдяного конденсатора для радиоприборов) с успехом заменит такое стеклышко.

На середину предметного стекла поместите одну-две капли чистой воды и в нее погрузите предмет, который вы хотите рассмотреть. Расправьте кончиком иголки предмет на стекле и следите, чтобы весь он оставался в воде. Потом положите на него покровную пластинку или стеклышко.

Ваш препарат готов. Теперь вдвиньте предметное стекло (покровное стеклышко сверху) под зажимы „д“ — они должны плотно удерживать его! Помните: предмет должен находиться как раз под каплей.

Рассматривать препарат следует или над абажуром зажженной электрической лампы или на светлом фоне неба или над листом белой, ярко освещенной бумаги. Сначала вы увидите только осве-

щенный кружок со смутными очертаниями предмета. Двигая бумажную муфточку, приближайте к предмету или удаляйте от него каплю воды, — и вы добьетесь резкого изображения.

Если ваш микроскоп изготовлен тщательно, вы быстро привыкнете обращаться с ним и, несомненно, узнаете и увидите много нового и любопытного.

Г. Ленгауэр

ПРОЧТИ ЭТУ КНИГУ

Необычайно смелый, опасный спуск в глубины океана, который предпринял ученый зоолог, доктор Маракот со своими двумя спутниками, начался как нельзя лучше.

Стальную кабину медленно опускали с яхты. Светлозеленая вода сменилась синей, потом темно-пурпуровой. Трубки, подававшие с яхты воздух в кабину, и телефон, — действовали превосходно.

Золотой свет посылал наружу сквозь иллюминаторы кабины длинные мерцающие лучи, и доктор Маракот мог любоваться диковинными обитателями глубин океана.

Все было так необыкновенно, что исследователи не могли осмыслить всего происходящего — ведь они были первыми людьми в этих таинственных глубинах.

Возможно, что этот спуск мог окончиться благополучно, и подводные путешественники без помех возвратились бы на яхту, если бы на их кабину не напало какое-то морское чудовище. Не то гигантский рак, не то исполинский краб принялся ощупывать кабину своими огромными клешнями, словно размышляя, что это за раковина, и не найдется ли в ней какой-нибудь пищи.

Жутко стало исследователям: вдруг стекло не выдержит удара этой страшной клешни? А чудовищный краб не унимался — его клешни работали уже на крыше кабины. Положение смельчаков было незавидное, километры воды внизу, наверху — злобное чудовище.

Вдруг раздался скрежет перетираемого каната звон, свист рвущейся проволоки, и в следующий миг, вращаясь и описывая круги, кабина полетела в бездонную пропасть океана.

Стрелка глубиномера показала семь тысяч шестьсот метров, когда кабина со своими пассажирами опустилась на мягкий вязкий грунт Атлантического океана.

Тусклый, рассеянный свет фосфоресцирующего ила влился через иллюминаторы внутрь кабины. Подводную долину пересекали невысокие холмы, а между ними плавали причудливые рыбы, большей частью, неизвестные науке...

Прошло не мало времени. Дышать становилось все трудней и трудней. Запас воздуха иссякал. Один из спутников Маракота уже потерял сознание, а сам неутомимый зоолог сидел в ожидании медленной гибели от удушья. И никто не мог придти затонувшим на помощь!

Случайно помощник Маракота взглянул на иллюминатор, вскрикнул и стал трясти доктора. На них из иллюминатора смотрели глаза человека! Бред умирающих? Или кошмарный сон? Ведь не могут же на дне оказаться люди?

Но Маракот и его спутники не бредили. На дне океана обитали люди и они спасли исследователей. Кто были эти люди, как, когда они переселились на дно океана, как жили и как спасли погибших — об этом рассказывается в книге „Маракотова бездна“, которую в 1927 году написал английский писатель А. Конан-Дойль.

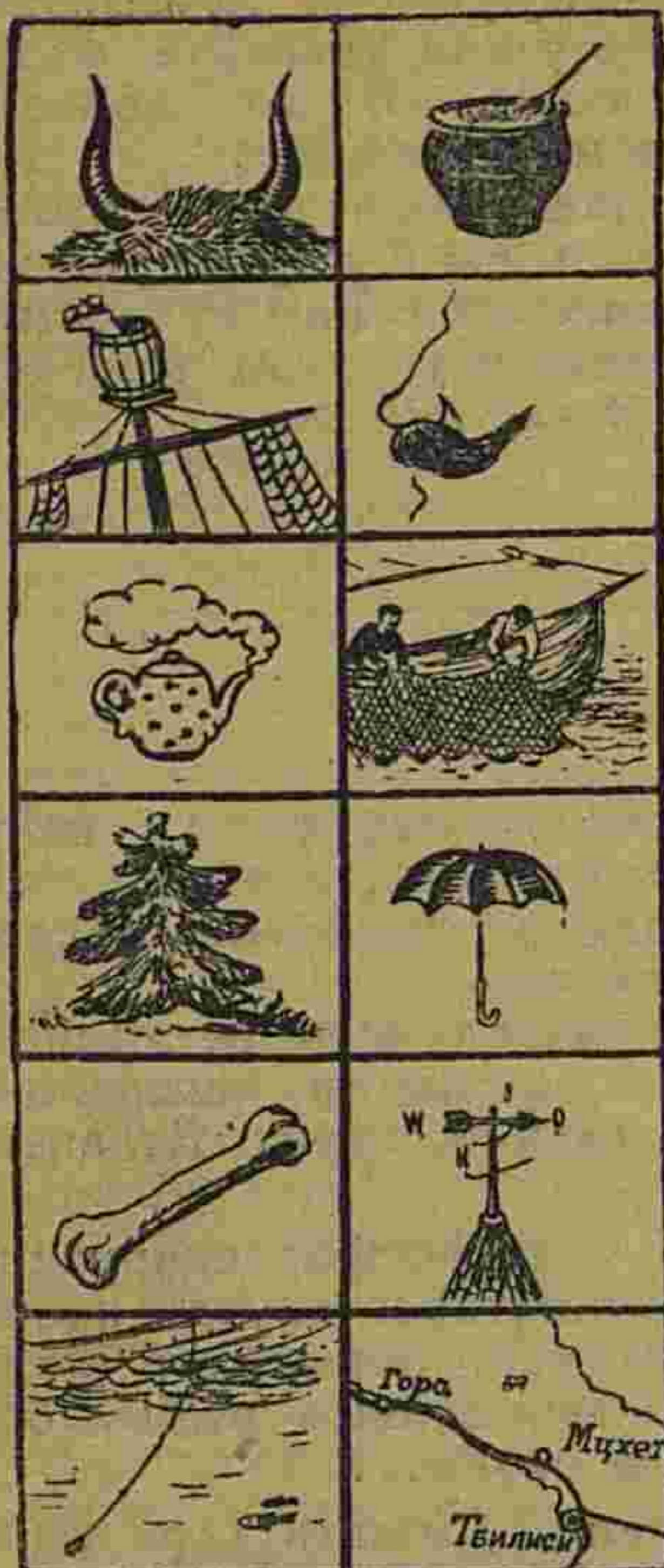
Кто не слышал о знаменитом сыщике Шерлоке Холмсе — мужественном и неутомимом человеке? Увлекательные рассказы о Шерлоке принесли Конан-Дойлю заслуженную известность. Но писатель был не только бесподобным выдумщиком хитроумных приключений. Бывалый и образованный человек — врач, путешественник по Африке и полярным странам, участник англо-бурской войны — Конан-Дойль всегда живо интересовался знанием и умел занимательно, в виде научно-фантастических рассказов, заинтересовать читателя завоеваниями науки.

Конан-Дойль написал несколько научно-фантастических повестей: „Затерянный мир“, „Отравленный пояс“, „Когда земля вскрикнула“ и „Маракотова бездна“. В этой последней книге Конан-Дойль предвосхищает создание батисферы, на которой три года спустя ученый Бийб опустился в глубины океана, а допущение писателя о подводных обитателях океана основано на древней легенде о затонувшем материке Атлантиде.

☆

ПОДУМАЙ И ОТВЕТЬ

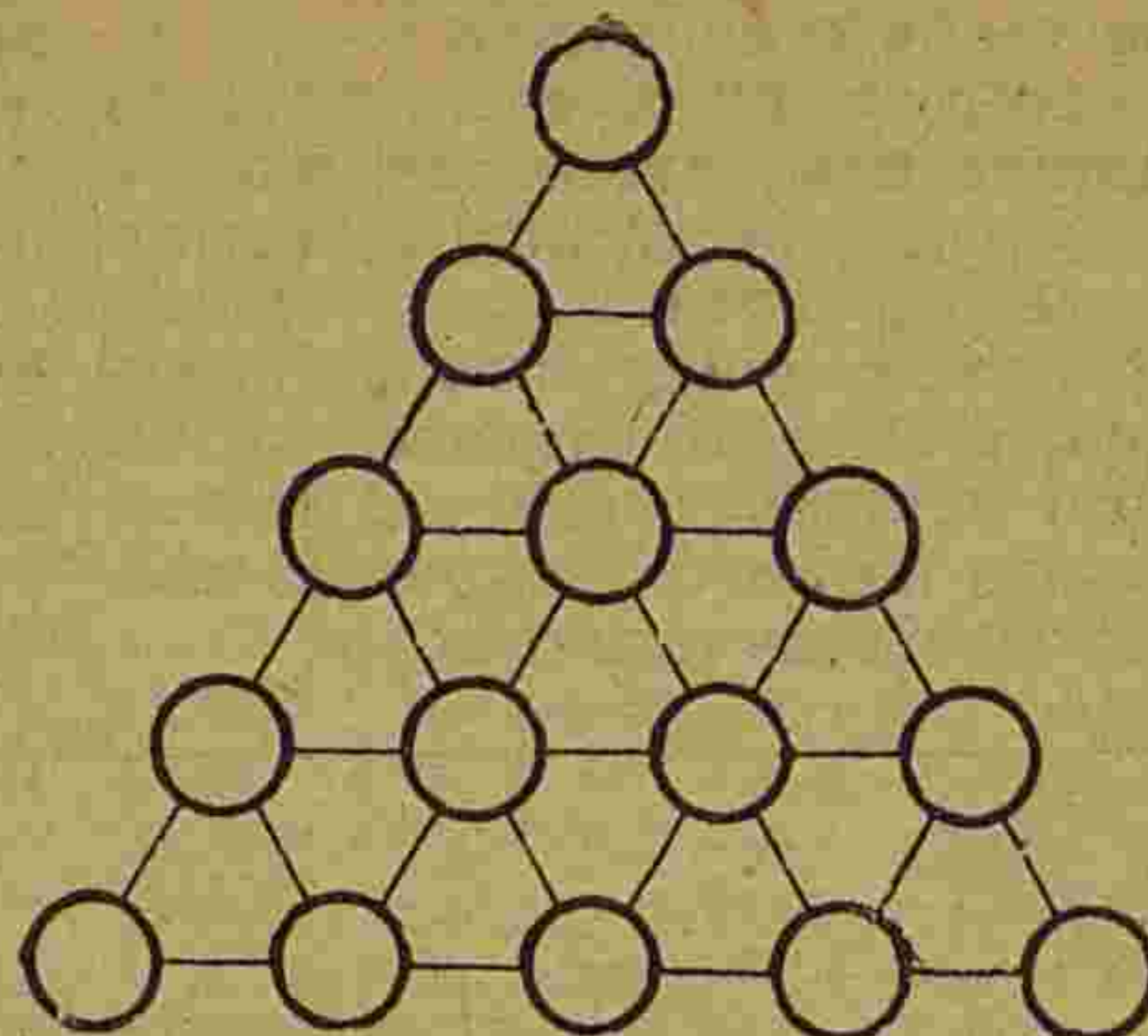
ШАРАДО-РЕБУС

Расположите рисунки таким образом, чтобы названия каждого двух изображенных предметов составили одно из нижеследующих слов:

1. Порт во Франции.
2. Приспособление для движения судна по ветру.
3. Воображаемая линия, где небо сходится с землей.
4. Животное из семейства китовых.
5. Качество человека.
6. Ударное орудие для ловли рыбы.

Пользуясь этими словами, составьте короткий рассказ под названием „Морское приключение“. Рассказы присылайте в редакцию.

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Расставьте в кружки цифры от 1 до 15 таким образом, чтобы сумма цифр во всех рядах по три, по четыре или по пяти кружков была бы одна и та же.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.		стр.
На параде. Стих. С. Орлова. Рис. В. Болаш	1	О твоём пионерском галстуке. Е. Николаева	24
Расскажите на пионерском сборе		В школе им. Грибоедова	25
О большевистской закалке. А. Волкова. Рис. Н. Кулинова	2	Астраханский соловей. Арт. Минчюковский. Рис. В. Кобелева	26
Народная героиня. Л. Браусевич	3	Вещество жизни. Л. Савельев	28
Творчество наших читателей	6	Ленинградский автобус. Стих. С. Погореловского. Рис. Н. Бустова	29
Голубая пещера. Расск. М. Зверева. Рис. И. Шабанова	7	Микроскоп из капли воды. Г. Ленгауэр	30
Загадка. Перевел А. Шмульяк	10	Прочти эту книгу „Маракотова бездна“ А. Конан-Дойля	31
Перекоп. Р. Сот. Рис. В. Семенова	11	Подумай и ответь	32
Левая бровь. Чешская сказка. Обработала Н. Войтинская. Рис. Н. Петровой	13		
Географический календарь. Ис. Слоним	16	XXVIII годовщина Октября. Рисунок Е. Косыковой 2-я стр. обложки	
Из прошлого нашего города		Фехтование. Рис. М. Малин. 3-я стр. обложки	
Смольный. И. Иволгин. Рис. В. Морозова	17	Зимой в лесу. Рис. И. Ризнича. 4-я стр. обложки	
Когда мне не спится. Стих. В. Шмидта	18	На обложке рисунок Н. Петровой „Праздник“	
Афонькин и медведь. Расск. Во. Воеводина. Рис. Н. Муратова	19	На вклейке рисунок В. Кобелева „По первому снегу“	
Теремок. Стих. Е. Трутневой	21		
Эрмитаж. А. Свиндлер. Рис. Т. Цинберг и И. Бичановой	22		

1946 г.
Акт № 229

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 31, ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ
Непринятые рукописи не возвращаются

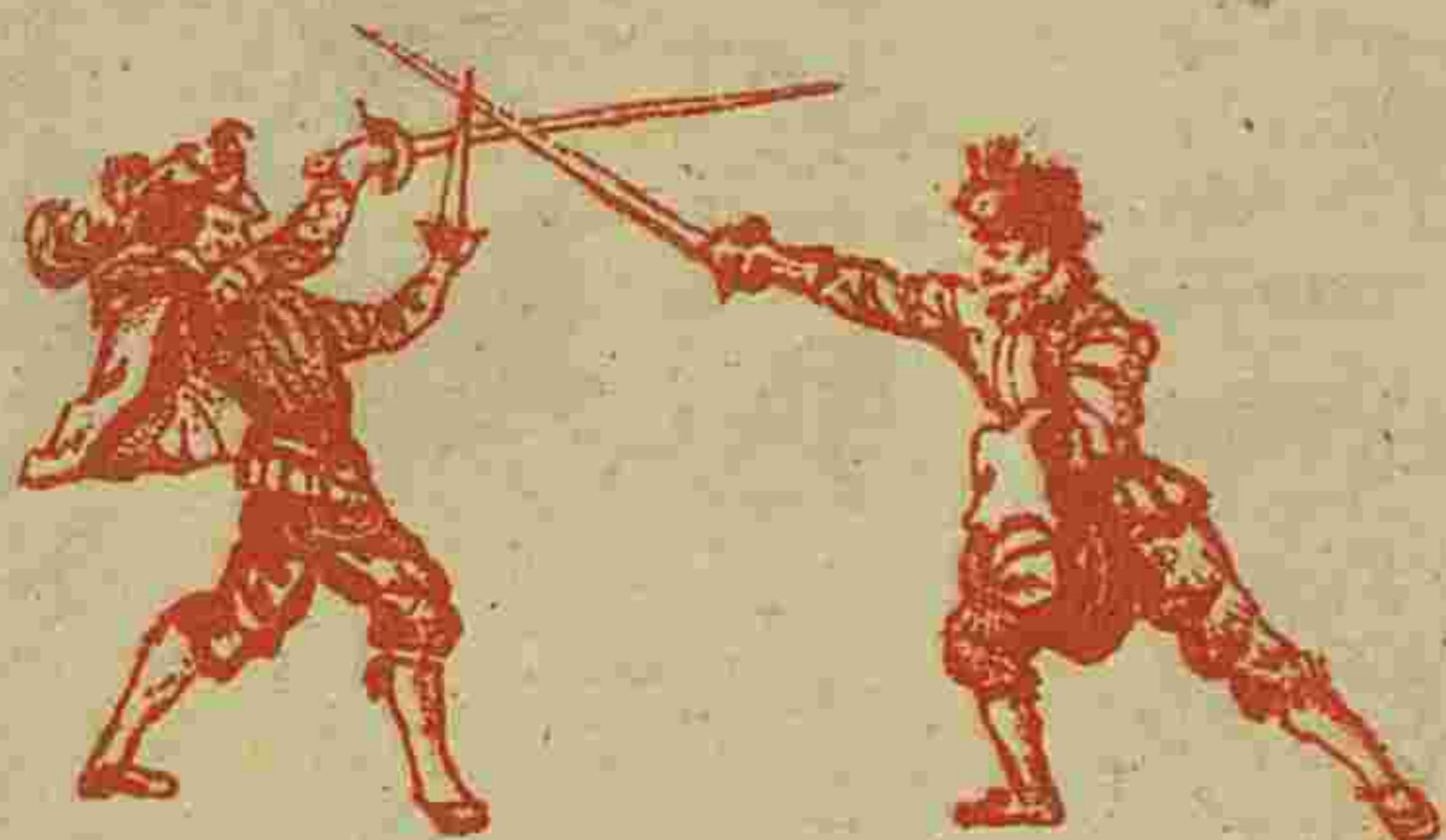
Редакция: О. Берггольц, В. Воеводин, С. Воинов, Е. Катерли, Ф. Октябрьская, А. Пахомов, Е. Привалова, В. Пришвин, Н. Терebinская, Д. Чевычелов, Н. Штейнварг, Л. Успенский и Г. Яблонская (отв. редактор)

Ф Е Х Т О В А Н И Е

Ловкость, точность и быстроту движения, находчивость и хладнокровие, умение действовать решительно, смело, умно — все эти качества вырабатывает фехтование.

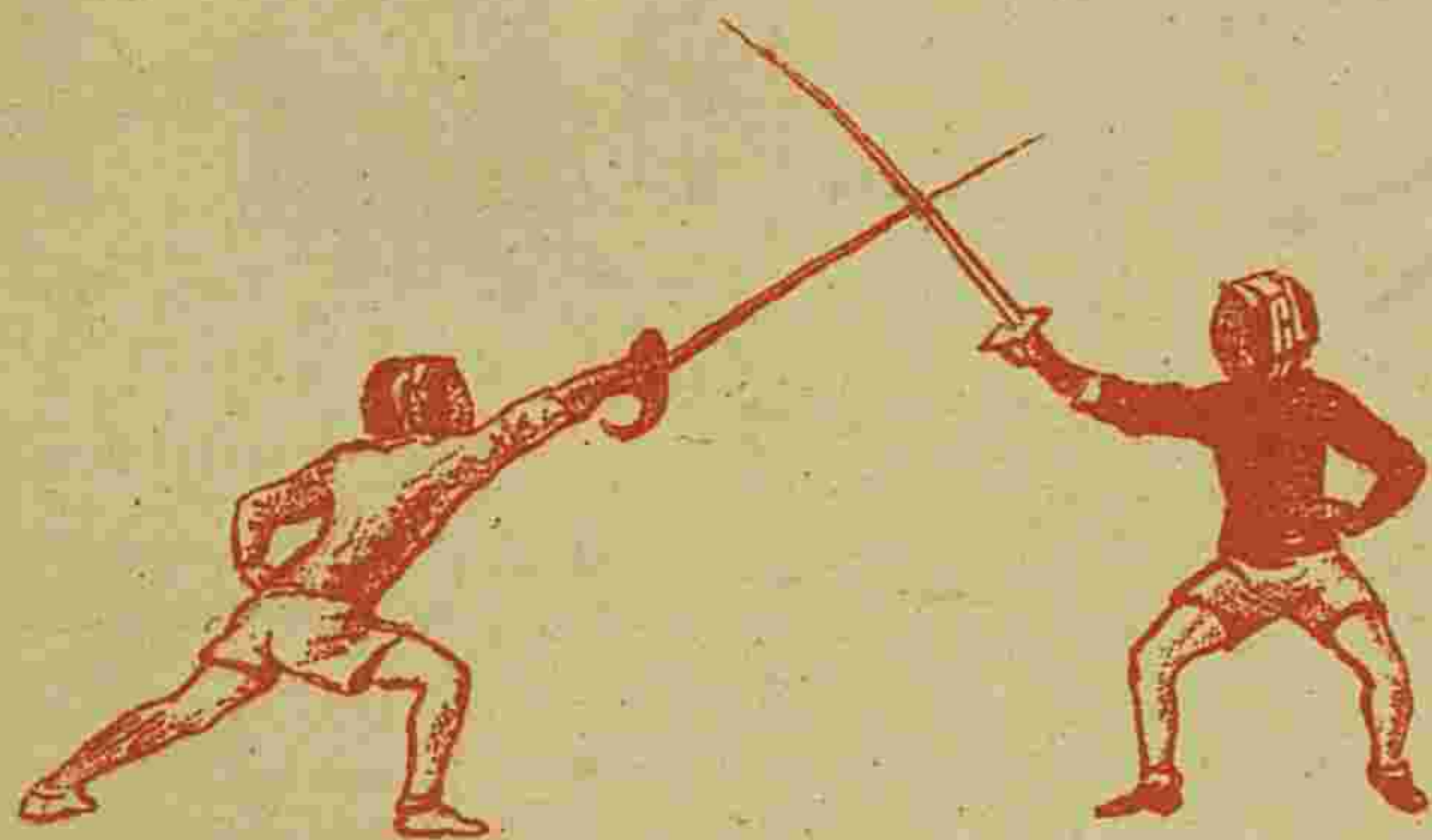
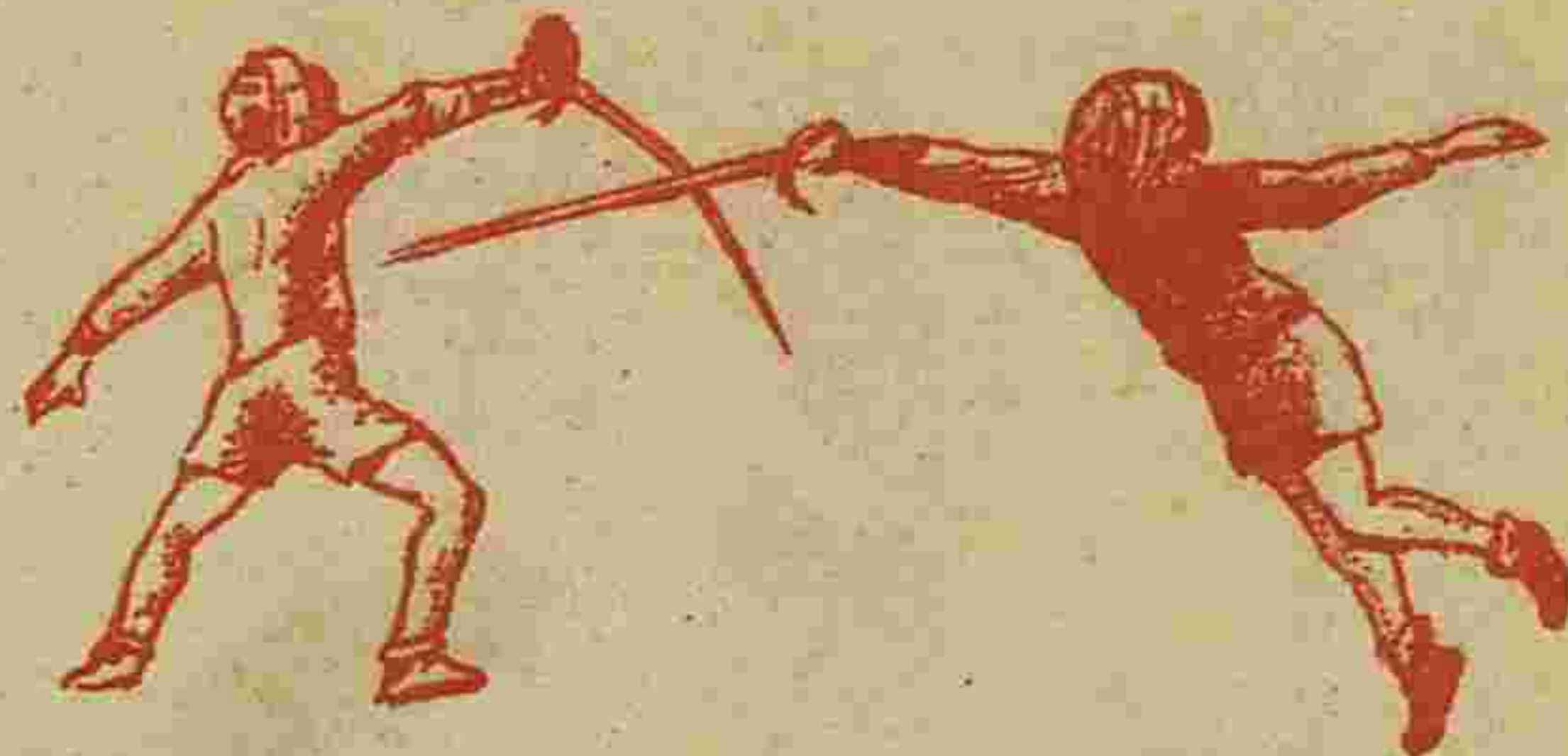
Оружие фехтовальщика — колющее — рапира или шпага и режущее — эспадрон. Цель поединка — «поразить» своего противника. Чтобы избежать поражения самому, защитить себя и нанести удар своему противнику существует много приемов, ими фехтующий должен владеть в совершенстве. Очень много зависит от умения разгадать маневр противника, перехитрить и предугадать действия или замысел его.

Нападающий, например, наступает на своего противника, и делает вид, что хочет проколоть его, но на самом деле он бьет его эспадроном по голове или наносит укол. Иног-

та. Бой на мечах был известен в Греции и Риме. Фехтование было также распространено в средние века и в эпоху Возрождения.

В наше время, на смену холодному оружию пришло огнестрельное — дальнобойное и скорострельное. Но каждый боец должен владеть приемами рукопашного боя. Выбивать врага из окопа, танка, дзота нередко приходится при помощи штыка или ножа. В такой рукопашной схватке одолевал тот, кто занимался фехтованием, или рукопашным боем.

да один из фехтовальщиков стремительно бросается на противника, тот делает вид будто уходит в сторону, а сам встречает нападающего вплотную и, не бросая оружия, хватает его за руку. В поединке надо уметь быстро отражать атаки и все время быть на чеку, быть сообразительным и находчивым.

Несколько основных приемов фехтования вы видите здесь на рисунках.

Холодное оружие — самое древнее. И фехтование — один из самых старых видов спор-

Во время Великой Отечественной войны чемпион бокса и отличный фехтовальщик Королев в рукопашном бою уничтожил более двадцати фашистов. За свой подвиг Королев был награжден орденом Ленина. Без сомнения, привычка действовать решительно и быстро, умение точно отражать удары нападающего пригодились ему в этой неравной схватке, и он вышел победителем.

Чем раньше человек начнет заниматься фехтованием, тем больших успехов он добьется. Изучать приемы фехтования следует начинать в 12—13 лет. Через полгода — год мальчики хорошо овладевают основными приемами.

Но знать одни приемы фехтования недостаточно. Настоящим фехтовальщиком будет только тот, кто вместе с фехтованием занимается и другими видами спорта.

Шел лесом волк. Чует лосем пахнет. Вот пожива! Сунулся в чащу, — рог тут, а лося нету. Сбрасывает лось каждую зиму рога и новые себе отращивает. Ну, а рог какая добыча: он и волку не по зубам.

Есть в лесу глаза — зоркие глазищи филина. Белого зайца на белом снегу темной ночью увидят, — и пропал заяц.

Есть в лесу нос — чуткий носик горностая. Мышку под глубоким снегом чует.

Редко — редко слетит зимой глухарь на землю: зимой он и спит и кормится на деревьях — сосновую хвою ест.

Шла лесом лиса. Вдруг — тырр — тах — тах — тах! — из под самых ног — из глубокого снега — тетерева! Так неожиданно вырвались, что и схватить не успела. Кабы знать что они тут под снегом ночевали.

Часто спускается на землю белка зимой: шишки опавшие подбирает, тут же где-нибудь на пеньке и лушит.

Шишки и клестам корм, Эти птички гнезда вьют зимой. Холод им нипочем. А птенцов выкармливают еловыми же семечками.

А синицам, снегирям, куропаткам где взять еду зимой — кому зерна, кому насекомые? Хлопочут целый день разыскивают.

Шла лесом косуля. Зорко смотрела вперед: нет ли опасности? Вдруг сверху ей на спину пала страшная лесная кошка — рысь. Рысь на дереве сидит, караулит добычу. Один прыжок — и дело с концом.